

Алексей
Лухминский

ХОЗЯИН ЖИЗНИ

Кто вы, доктор Елизов?

Алексей Лухминский

Хозяин жизни

«Геликон Плюс»

2020

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

Лухминский А. Г.

Хозяин жизни / А. Г. Лухминский — «Геликон Плюс»,
2020 — (Кто вы, доктор Елизов?)

ISBN 978-5-00098-241-9

Представитель «золотой молодёжи», мальчик-мажор, воспитанный в понятиях вседозволенности, нарушает закон. Добиваясь его справедливого наказания, герои книги вступают в борьбу с системой, не дающей «своих» в обиду. Сильные мира сего стараются сделать виновными их же самих. В ходе этого противостояния им порой приходится делать нелёгкий выбор, но их верность друг другу и взаимопомощь остаются неизменными. Эта книга, будучи самостоятельным произведением, является продолжением романа «Мой Ванька».

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

ISBN 978-5-00098-241-9

© Лухминский А. Г., 2020
© Геликон Плюс, 2020

Содержание

Часть 1. Наказание врачихи	6
Часть 2. Началось	53
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алексей Лухминский

Хозяин жизни

© Лухминский А., текст, 2020

© Геликон Плюс, оформление, 2020

Часть 1. Наказание врачихи

– Александр Николаевич, приземляемся! Приготовьтесь!

Это бортмеханик грузового самолёта ИЛ-76, в брюхе которого я в этот раз преодолеваю тысячи километров, разделяющие Петербург и заполярный посёлок Булун, предупреждает о посадке.

– Всегда готов, – бурчу, потягиваясь и прогоняя остатки дремоты.

За последние годы я привык совершать этот путь в таких малокомфортных условиях, несколько часов сидя на откидывающейся жёсткой скамейке, которая в военной версии этого самолёта предназначена для десанта, и наблюдая всевозможные ящики, забитые неизвестно чем. Давние и очень добрые отношения с авиаотрядом, обслуживающим грузовые перевозки, позволяют мне по необходимости посещать севера практически бесплатно. И это очень хорошо, ведь иначе моя семья от расходов на такие перелёты давно бы вылетела в трубу.

Булун... Эта точка на карте страны уже давно для меня значит столько же, сколько и родной Петербург. Там мои корни как врача, там начиналась карьера того, кого сейчас называют «доктором Елизовым». Так распорядилась судьба, которая много лет назад занесла туда меня, в ту пору инженера-механика, и познакомила с главным врачом местной больницы Кириллом Сергеевичем Золотовым. Этот поистине выдающийся человек не просто открыл моё предназначение, но ещё и стал неким эталоном поведения во всём. Тогда пасьянс обстоятельств сложился так, что я просто не мог сначала не приобщиться к медицине, а потом уже и заняться ею серьёзно, тем самым круто изменив свою жизнь. Став помимо других медицинских специализаций ещё и весьма активно практикующим хирургом, я теперь стараюсь поддерживать в случающихся трудностях людей, которые помогали мне в самом начале пути, и поэтому часто летаю в этот заполярный посёлок для помощи в проведении в его больнице особо сложных операций.

Вообще в моей тридцатисемилетней жизни два человека сыграли, по сути, ключевые роли – это доктор Золотов и мой младший брат Иван. Кирилл Сергеевич стал мне не только учителем, но и практически названным отцом. Ведь мы с братишкой оба безотцовщина, и в лице старого доктора нашли ту мудрую и требовательную руку, которой нам не хватало с детства. Ванька же – своего брата, очень его любя, я много лет про себя почему-то называю именно так – это тот дорогой человек, который одним своим присутствием рядом делает мою жизнь легче и содержательней.

За прошедшие годы многое изменилось. Сейчас нынешний доктор медицинских наук и профессор Золотов – житель Питера. Давно потеряв свою семью, он практически обрёл новую и живёт с нами, то есть с моим семейством, а мои сыновья называют его дедушкой и очень любят. Работаем мы, так же как когда-то в Булуне, тоже вместе, только в районной больнице в посёлке Чистые Озёра в нашей области, и ежедневно добираемся туда из города на моей машине. Кирилл Сергеевич, так же как и на севере, – главный врач, а я стал его первым заместителем и очень рад возможности по-прежнему каждый день получать новые профессиональные и жизненные уроки. Сейчас моему названному отцу уже за семьдесят, и когда он собрался первый раз съездить в отпуск в прежде родные места, где прожил целых тридцать лет, я, опасаясь проблем с сердцем у пожилого человека, одного его в полёт не отпустил. Начальник, конечно, немного поругался, выразив своё неудовольствие моим сопровождением, поскольку, собираясь отдыхать, оставил на хозяйстве именно меня. Говорил, что отсутствие даже в течение двух дней, то есть полёт с ним туда и потом после сопровождения с тем же бортом обратно, – это неправильно для лица, остающегося врио, но всё же нашего Главного общими усилиями на такой вариант мы уговорили. Вот сейчас я и возвращаюсь обратно в Питер, чтобы тянуть дополнительно к делам сугубо лечебным ещё и административную лямку.

Однако действительно надо встряхиваться – скоро посадка! Братишка, тоже работающий в нашей больнице, когда мы вчера говорили по телефону, обещал после своего сегодняшнего суточного дежурства подъехать и встретить меня на своей машине. Правда, забеспокоился я что-то... Во сне под мерный гул турбин самолёта видел его с окровавленным лицом. Если бы не дар, которым я обладаю, можно было бы спокойно отмахнуться, подумав, мол, мало ли что может присниться, но это не так. Мой дар, этот посланный Господом талант, дающий возможность биоэнергетических воздействий, – это крест, который я должен нести на благо своих пациентов. Ведь действительно уникальные способности дают мне возможность возвращать людям здоровье и радость нормальной жизни. Я могу очень многое и при лечении кроме традиционных средств обязательно ещё применяю свою мощную энергетику. Одна из моих специализаций – недуги костной системы, а во всём остальном поражённые болезнями органы я просто вижу своим особым зрением, что облегчает диагностику. Такие способности помогают и при хирургических операциях. Ещё я гипнотизирую, читаю мысли на расстоянии, заглядываю в прошлое и будущее, порой используя эту возможность, чтобы кого-то предостеречь, а иногда и спасти. Так уже случалось. Но я не гадалка! Я – это совсем другое.

И вот сейчас вспоминаю свой давешний сон. Тревожно что-то...

Ну вот, самолёт, прокатившись после посадки положенные сотни метров и медленно завернув на «парковку», остановился. Беру свою сумку, прощаюсь с экипажем, благодарю ребят и спускаюсь по трапу на лётное поле загородного аэродрома. Шарю взглядом по сторонам в поисках знакомой машины. Не видать! Вынимаю телефон и, убедившись, что связь есть, нажимаю на вызов номера братишки. Не отвечает... Теперь я даже не сомневаюсь: с ним действительно стряслось что-то нехорошее. Для прояснения ситуации набираю мобильный Светланы Сергеевны, тоже заместителя главного врача нашей больницы. Пока на месте нет ни Золотова, ни меня, на хозяйстве осталась она.

Буквально после второго гудка слышу ответ.

– Здравствуйте, Александр Николаевич! Беда у нас... – с места в карьер сообщает моя коллега.

– Я понял, что с Иваном беда, да и во сне видел, но хочу подробностей. Что конкретно случилось?

– Сегодня утром из коттеджного посёлка, ну вы знаете – оттуда, где разные серьёзные люди теперь имеют уголья, приятели привезли парня с совсем нестрашной ссадиной на лице и совершенно пьяного. Видимо, он в этом состоянии упал, ну и получил травму. Сопровождающие тоже были не лучше. Одновременно «скорая» привезла мужчину с острым приступом стенокардии. Из врачей в это время в приёмном покое был один Ваня, и он, хотя уже заканчивал своё дежурство, сразу начал им заниматься, а этому пациенту сказал, что ему помогут, но чуть позже, поскольку сейчас есть тяжёлый случай. Так этот мерзавец на глазах у медсестёр набросился на него и стал избивать. Кричал, что научит «врачишек» правильно обслуживать, как он выразился, «хозяев жизни». В общем, у Вани сломан нос, лицевая кость, ну и сотрясение сильное. Кроме этого сломаны два ребра. Ведь он упал, а тот его ещё ногами...

– Где сейчас брат?

– В свободную спецпалату положили. Алёшин его смотрел, ну и снимки сделали.

– А тот?

– Заснул в смотровой. Так и спит...

– Полицию вызывали?

– Они и сейчас здесь. За вами наша служебная машина выехала.

– Спасибо. Попросите полицию дождаться меня. Я домой заезжать не буду.

Хорошо, что Кирилл Сергеевич улетел на целый месяц! Такие волнения ему с его сердцем совершенно ни к чему.

Ну вот, вижу знакомый «Форд-Мондео». Быстро иду к машине.

– Здравствуйте, Александр Николаевич! – выходя, здороваётся водитель. – У нас неприятности. Ивана Николаевича пациент сильно избил.

– Уже знаю. Звонил Светлане Сергеевне, и она мне всё рассказала. Поехали прямо в больницу! – и сажусь на правое сиденье.

Машина трогается.

* * *

Пока едем, прикрыв глаза, пытаюсь хоть чуть-чуть доспать, но мысли о случившемся с братишкой сделать этого не дают.

Сколько себя помню, я всегда хотел иметь младшего брата или сестрёнку, чтобы было о ком заботиться, помогать и, если надо, защищать. Только, к сожалению, отец ушёл от нас, как было сказано матерью, когда мне был год с небольшим, она больше замуж не вышла, и поэтому я рос один. И вот, встретив в спортзале тоненького вихрастого парня, которому на момент нашего знакомства было только семнадцать, я почувствовал, что у меня, к тому времени уже двадцатипятилетнего, это детское стремление находит выход. Почему? Наверно, сработало ощущение интеллектуального и эмоционального совпадения, которое привело нас к взаимному интересу и даже притяжению. Вообще я до сих пор считаю, в нашей встрече есть нечто мистическое, ведь мы оба много лет жили, не зная о существовании друг друга, и познакомились совершенно случайно, тоже ещё не зная о нашем родстве. Только однажды, заглянув в поистине бездонные Ванькины глазищи, я понял, что... утонул и утонул на всю оставшуюся жизнь. Думаю, именно с этого момента я и стал воспринимать его как младшего брата. Не случайно говорят, глаза – это зеркало души, а у братишки душа чистая и очень добрая.

Собственно, моя опека Ваньки была обусловлена ещё и тем, что к тому времени волей жестокой судьбы он уже потерял всех своих родственников, то есть полностью осиротел, оставшись один против навалившихся на него проблем. Именно тогда я, как старший, совершенно осознанно принял на себя ответственность за его судьбу. Пожалуй, и до сих пор ещё продолжаю немного опекать, хотя сегодня братишка – отец двоих замечательных детишек, моих племянников, и прекрасно может постоять за себя сам. А наше родство нам открылось только потом и тоже совершенно случайно во время просматривания и разбора старых документов. Помню, это произошло в нашей замечательной однокомнатной квартире на одиннадцатом этаже, где мы вместе прожили семь и трудных, и прекрасных лет. Эта однушка для нас обоих очень много значит до сих пор. Она есть и сейчас, ибо, женившись и разъезжаясь по другим местам для семейной жизни, мы оставили её нетронутой в качестве мемориального места, куда всегда можно в трудные периоды жизни приехать и, посидев в тишине, просто подумать.

Мы с братишкой очень близки. Вообще в наше время, когда мир, активно сходя с ума, признаёт нормальным таковым не являющееся, говорить такие вещи опасно. Сегодня на слова, сказанные о ком-то, что это мой друг и самый близкий человек, кто-то может подумать чёрт знает что и, сощурив глаз, спросить: «А в каком это смысле?» И тут уж, если списывать такие подозрения на человеческую испорченность, попадёшь в «десятку». Тем не менее, говоря о нашей близости, я имею в виду близость духовную, интеллектуальную и... психологическую. Между нами существует странная, а вернее, просто фантастическая взаимосвязь. Ванька очень остро чувствует моё состояние, даже если я нахожусь за тысячи километров. Сколько раз бывало: в тот момент, когда на меня неожиданно наваливались серьёзные неприятности или тяжёлые раздумья, раздавался телефонный звонок и братишка спрашивал, может ли чем-то помочь? А сколько раз я в своих снах видел либо ждущие его опасности, либо, как вот сейчас, информацию о случившейся с ним реальной беде? Хоть, как говорят, я и являюсь большим специалистом в науке о запредельном, но пока не могу с её позиций объяснить такие проявления. Возможно, это какое-то пересечение или даже совпадение наших биополей...

Мне трудно полностью передать словами своё отношение к Ваньке. Он – будто часть меня. Это моя совесть, а совесть – такая штука, с которой не следует спорить. Глядя в его глаза, я всегда могу прочесть оценку содеянного мной. Если в них, как когда-то давно, тону, то можно быть спокойным, но если там другое, то становится не по себе, поскольку вижу свой приговор. Мы бесконечно уверены друг в друге. По-братски я могу стерпеть от Ваньки всё, и наше с ним общение – это постоянный процесс моего воспитания. Исключительно благодаря братишке я, будучи от природы жёстким человеком, стал значительно мягче и терпимее к проявлению окружающими своих недостатков.

Помню, как Ванька радовался, когда в позапрошлом году закончил Медицинскую академию, ту же, которую заканчивал и я. Хорошо помню своё чувство счастья и гордости за него! Завершил курс он на отлично, и вряд ли на этот результат повлияло, что я, старший брат, одновременно с лечебной практикой там преподаю. Хотя фамилии у нас разные – у него по нашему общему отцу, а у меня по моей матери, – все те, кто с нами общаются, знают, что мы братья, и академия не является исключением. Помню, как горячо его поздравляли. Причём не только друзья и родственники, но даже маститые профессора. Думаю, если существуют люди, созданные быть врачами, то в первую очередь это мой братишка. Персонал и пациенты нашей больницы, где он начал работать несколько лет назад ещё в качестве массажиста, очень уважают и любят доктора Серёгина, несмотря на его молодость. В медицинской практике при лечении своих пациентов Ванька, так же как и я, использует биоэнергетические воздействия. Когда-то давно, заметив у братишки интерес ко всему, что связано с такими проявлениями, я стал развивать имеющиеся у него очень неплохие способности (ведь не зря же мы братья!), и теперь он многое умеет делать сам. Ещё не имея диплома, он уже был хорошим специалистом в некоторых областях, требующих биоэнергетического вмешательства. Теперь же успешно осваивает гипноз и некоторые другие техники. В моём семействе Ванька – самый желанный гость. Для моих мальчишек приход дяди Вани всегда праздник, а Даша, моя жена, давно относится к нему, как к своему брату. Когда у нас случаются какие-то внутрисемейные размолвки, она молча собирается и едет в гости к Серёгиным, а потом, конечно, я огребаю от братишки по полной...

Ну вот, кажется, и приехали.

* * *

При приближении нашей машины больничный шлагбаум сразу поднимается, и мы подъезжаем к приёмному покою. Паркуемся рядом со стоящим здесь полицейским «Уазиком».

– Здравствуйте, Александр Николаевич, – почтительно здороваются капитан и лейтенант. Пожимаем руки. – Тут у вас ЧП...

– Знаю! Что собираетесь делать?

Переминаются с ноги на ногу.

– Делать-то что будете с... этим... – я нетерпеливо повторяю вопрос.

– Да он, оказывается, сын... – мямлит старший наряда, и следует ссылка на некоего руководителя одной из крупнейших в стране корпораций.

– Ну и что?

– Те парни, которые привезли его сюда, когда нас увидели, скорее всего сразу связались с папашей и сообщили про вызов полиции. Вон, видите, их машина за шлагбаумом стоит? Ну а тот, наверно, позвонил к нам в Управление. А дальше...

– Понятно! – резко обрываю этот лепет. Похоже, рассчитывать на правоохранителей – дело тухлое.

Бросаю взгляд на нашу гостевую стоянку. Там около шикарного «Лексуса» топчутся двое парней.

– Вы простите, Александр Николаевич, – бормочет капитан, – но ведь мы должны подчиниться приказу!

– Что за приказ?

– Не заниматься мелочами, то есть разным мордобоем. Мол, есть дела поважнее. А за этим, как сказали, его отец кого-то послал...

Повисает пауза, ведь ни у полицейских, ни у меня на данный момент нет решения, как поступать дальше.

– Так, нам-то что сейчас делать? – старший наряда этими словами подтверждает мои мысли и явно ждёт указаний.

– Ждать здесь! Я пошёл разбираться.

Прекрасно понимаю, если бы не иногда оказываемая мной местной полиции помощь в виде использования моих способностей при раскрытии серьёзных дел и вследствие этого давно возникший доверительный уровень взаимоотношений, то после звонка «сверху» они бы повернулись и уехали, выполняя прозвучавший приказ. Сейчас именно уважение местными полицейскими доктора Елизова не даёт им этого сделать. Моя же цель – заставить их дать делу ход, то есть задержать виновника за совершённое хулиганство. Только сначала надо самому всё посмотреть и во всём разобраться.

Светлана Сергеевна встречает меня в приёмном покое.

– Александр Николаевич, Ваня сейчас в триста двадцатой. Вот, посмотрите снимки, – и протягивает конверт. – Ну и ещё, как я говорила, сотрясение у него.

– А пациент с сердечным приступом?

– В реанимации. Там всё более-менее...

Вынимаю один за другим снимки и смотрю их на свет. Нос сломан... Лицевая кость тоже. Смещение тоже есть... И ещё есть сомнения насчёт лицевой кости справа.

– А виновник где?

– Тот спит в смотровой. Он же совсем пьяный!

– Что у него с лицом?

– Поверьте, ничего страшного. Могли бы и в домашних условиях такую ссадину обработать. Но его сюда привезли такие же пьяные, как и он. Ничего не соображали! Сама не понимаю, как вообще эти парни смогли доехать сюда без приключений.

– Думаю, они найдут их здесь.

– Александр Николаевич... – Светлана Сергеевна укоризненно качает головой.

Всё понимаю. Когда-то, ещё на заре моей работы в этой больнице, она стала свидетелем того, как я наказал гипнозом двоих нахамивших мне молодых мужиков, и осудила такой метод воспитания.

– Ладно... Пойду к Ивану, – бурчу я, не желая вступать в полемику.

Хотя полемизировать есть о чём. Чего греха таить, имея способности, позволяющие воздействовать на людей, я могу в сердцах наломать дров. Понимаю, что любые свои возможности, особенно далеко выходящие за привычные понятия, человек должен жёстко контролировать своим разумом, самостоятельно отфильтровывая эмоциональные позывы совершать действия, не соответствующие морали. Но когда вижу, как существующая система часто не наказывает виновника чего-то и, тем самым поощряя, толкает его к дальнейшим отрицательным проявлениям, меня просто захватывает желание восстановить справедливость сразу и на всё оставшееся время. Если в таких случаях я не успеваю сам себя резко остановить, следует наказание в виде применения гипнотического воздействия к провинившемуся субъекту, который, когда понимает, что с ним произошло и почему, начинает бегать за мной, каясь и прося «снять заклятье». А заклятье – это действие, называемое в народе сглазом или порчей, то есть сознательное или бессознательное причинение человеку ущерба. У меня в таких случаях – сознательное. Увы...

Такие действия с моей стороны не находят одобрения ни у Кирилла Сергеевича, являющегося настоящим нравственным камертоном, ни у Ваньки, часто пеняющего мне на эту тему. Вот и Светлана Сергеевна, моя уважаемая коллега, тоже...

Но не оставлять же безнаказанным избиение пьяным ублюдком пусть даже не моего брата, но врача при исполнении им своих обязанностей? Я так не могу! А полиция, получив озвученное указание своего начальства, явно робеет и готова спустить на тормозах откровенно хулиганские проявления сынка очередной «шишки», и это делает моё состояние близким к бешенству. Поэтому, если не сдержусь, может случиться всякое и тогда помнить нашу встречу этот скот будет очень долго.

...Захожу в палату. Тонкое тело, полулежащее со слегка запрокинутой головой, устроенной на трёх подушках, впечатляет. Живописные русые и весьма непослушные волосы братишки всклокочены. Вспыхивают воспоминания... Когда-то, почти десять лет назад, я увидел Ваньку вот так же лежащим с закрытыми глазами на больничной койке. Сразу охватывает жалость. Бедняга... Лицо не только разбито, но ещё ужасно опухло и посинело. Хоть снимок, сделанный ему сразу после побоев, я посмотрел, но сейчас включился мой дар, позволяющий видеть «своим» особым биоэнергетическим зрением многие вещи, не зафиксированные на плёнке. Да... И перелом носа со смещением, и перелом лицевой кости слева... И... Да! Всё-таки справа трещина. Беда... Трудов даже мне тут будет очень много.

– Привет... – сжимаю Ванькину руку и сажусь на край кровати.

– Сашка... – он с трудом приоткрывает глаза и силится улыбнуться. – Опять скажешь... что приехал меня из жопы... вынимать?

Видно, что каждое слово даётся ему с трудом. Однако тогда, в моих воспоминаниях, я говорил именно эти слова. Опять братишка будто почувствовал моё состояние!

– Ванюха, тебе тяжело говорить, поэтому ничего не рассказывай. Это уже сделали другие. А сейчас я очень осторожно буду смотреть твои травмы руками.

Поместив ладони над Ванькиным лицом и не касаясь его, начинаю исследовать, прислушиваясь к своим ощущениям. Им я зачастую верю больше, чем снимкам, а перед вправлением надо всё представлять в деталях. От сосредоточенности аж пот на лице выступил. Такое со мной иногда бывает в операционной, когда приходится делать что-то за пределами сложное. Беру висящее на спинке кровати полотенце и вытираюсь. Надо ещё раз посмотреть. Опять держу ладони на весу и снова ловлю ощущения...

Ну вот... Кажется, я теперь имею представление, что и как надо делать.

– Так, Ванюха, осмотр я закончил, и теперь слушай... Про перелом носа и лицевой кости слева со смещением ты, наверно, знаешь. Но есть и трещина лицевой кости справа. На рентгене её не видно, но она есть.

– Он же меня ногами... по роже. Про трещину... правда... не знал.

– Ну это говорю тебе я, доктор Елизов. Короче, сейчас буду всё ставить на место, чтобы спасти твою неописуемую красоту, – стараюсь шутить, в надежде поднять ему настроение. – К сожалению, будет больно. Обезболить гипнозом, как делаю всегда, я боюсь. Это не рука или нога, а голова и мозг.

– Ты всё-таки... у меня его... нашёл? – выдавливая Ванька привычный подкол и снова пытается улыбнуться.

Да, это мой братишка... С юмором у него всегда был полный порядок. Сейчас имеется в виду, когда я, как старший, его ругаю, то порой ворчу, что он идиот и у него голова без мозгов.

– Не обольщайся. Это пока только гипотеза, – парирую также с привычной ворчливостью. – А теперь серьёзно: вправлять, как говорится, буду по живому. Если тебе так будет легче – кричи и матерись по-всякому. Меня ругай...

– Сашка... Ты... не церемонься. Я буду... терпеть.

– Ванюха, поверь, мне самому страшно от необходимости делать тебе очень больно. Ты же сам знаешь: это всё равно как если бы самому себе...

– Давай, братишка! – тихо командует Ванька, закрывает глаза и напрягается.

– Держись... – и крещусь, прося Господа помочь в праведном деле.

...Уф. Устал я! Минут десять мучил Ваньку, но только по своим ощущениям всё сделал, как было нужно. Он не кричал, не матерился, но так стонал и так скрежетал зубами, аж сердце рвалось.

– Так, Ванюха... Расслабься. Теперь ещё немного энергетической терапии, и я оставлю тебя в покое.

В это время дверь палаты открывается и заглядывает Светлана Сергеевна.

– Александр Николаевич, там за этим хулиганом приехали...

– Скажите охранникам и полиции, чтобы не отдавали. Сейчас заканчиваю и иду, – и продолжаю воздействовать энергетически.

– Сашка... Ты его... Короче, не надо... наказывать, – открывая глаза, по-прежнему с трудом произносит братишка. – Я же тебя знаю...

С больничной койки – и туда же! А ведь, увидев сделанное с ним этим скотом, я уже вот-вот выйду берегов.

– Так... Я сам разберусь, что мне делать, – и, понимая свою резкость, исправляю положение: – Прости, Ванюха, я сейчас очень зол и боюсь сорваться.

– Я это чувствую, потому и... прошу, – шепчет он, пытаюсь поднять на меня взгляд. – Не надо...

– Слушай, ты лучше поспи пока пару часов, – командую мягко, с применением гипнотического воздействия. – Меньше будет болеть. Потом я приду и повторю свою терапию. Раз, два, три... – и делаю традиционный щелчок пальцами.

Ванькины глаза закрываются...

* * *

Сбегая по лестнице на первый этаж в приёмный покой, сверху наблюдаю там мерзкую картину. Вышколенная за годы совместной работы наша охрана героически обороняет вход в коридор, ведущий к смотровым помещениям, от пытающихся пройти туда троих мужчин – одного солидного, в возрасте, и двоих молодых и мощных бандюганского вида. Ясно – это посланец папаши со своей охраной.

– Не положено! Понятно вам? – повышает голос один из наших охранников. – Без разрешения мы не пускаем.

– А мне плевать на ваши разрешения! – брезгливым тоном реагирует приземистый холёный, с седым «ёжиком» мужик и командует своим охранникам: – Парни, ну-ка, освободите мне проход.

– Что здесь происходит? – поняв, что пора вмешаться, задаю вопрос тоже в повышенном тоне.

– Это ещё кто такой? – с тем же выражением лица спрашивает посланец.

– Поскольку вы позволяете себе устраивать у меня в больнице дебош, потрудитесь представиться первым, – требую я жёстко.

Понимаю, вид совсем не старого, хоть и с седеющими висками, человека в белом халате, несколько хлипкого на фоне качков из сопровождающей его охраны прибывшему лицу не кажется солидным, поэтому спокойно жду очередного хамства. Оно не заставляет себя ждать.

– Парни, делайте, что я сказал, – нетерпеливо приказывает незванный гость, полностью игнорируя моё присутствие.

Ну что ж... Кажется они дождались и сейчас увидят... небо в алмазах. Хотя...

– Парни! – хлестким окриком я заставляю их смотреть на себя, а когда они удивлённо поворачиваются, как всегда делаю при гипнозе, ловлю взгляд первого и приказываю: – Вон отсюда! Ждать на улице!

Объект воздействия съёживается, поворачивается и направляется к двери.

– Эй ты! – окликаю второго, отвлекшегося на первого. – Тоже – вон отсюда! Тоже – ждать на улице!

Он, точно так же съёжившись, следует за напарником.

– Вы куда? – удивлённо восклицает папашин посланец, явно шокированный происходящим. – Остановитесь!

– Было приказано идти вон и ждать на улице... – бормочет второй, не останавливаясь, следуя к двери.

– Стойте, я сказал! – пытается приказывать их начальник.

– Не трудитесь. Они сейчас выполняют МОИ команды, – уже спокойно поясняю я, интонационно выделяя слово «мои».

– Спасибо, Александр Николаевич, – явно выдыхает один из наших молодых охранников. – Я уж думал, случится ещё один инцидент.

– Ещё не вечер, так что не расслабляйтесь, – бурчу себе под нос и, тоже выдохнув, смотрю на гостя. – А теперь всё-таки извольте представиться.

Не воздействуя на него, просто спокойно жду ответа. Умея читать чужие мысли, с удовольствием воспринимаю наступившее смятение у прежде самоуверенного хама. Бедняга просто не понимает, что сейчас произошло. У него в голове до сих пор только один вопрос: почему его охранники, не послушавшись хозяина, ушли? Чувствую возникшую от состояния беспомощности досаду, а с ней и наступившее раздражение.

– Я помощник Эдуарда Палыча и приехал сюда, чтобы забрать его сына, – наконец безапелляционно заявляет он, не называя своего имени и отчества, но скользя по мне взглядом, в котором сквозит откровенное пренебрежение. – Где мальчик? И вообще, кто вы такой?

– О, как вы его назвали, мальчике мы будем говорить у меня в кабинете, – в свою очередь игнорируя его последний вопрос, информирую я и, видя желание возразить, твёрдо добавляю: – По-другому не будет. Идёмте!

Мой кабинет здесь же, на первом этаже, недалеко от приёмного покоя, в поликлиническом отделении.

– Если бы не саботаж охраны, разговор был бы другой, – бормочет посланец, но за мной идёт. – Я вынужден терять тут время, пока не зная, с кем говорю.

– Но помощник неизвестного мне Эдуарда Павловича для меня тоже пока остаётся безымянным, – через плечо бросаю я, доставая из кармана ключ, чтобы открыть дверь кабинета, на которой укреплены две таблички. На верхней написано: «Доктор Елизов». На нижней указано, что Елизов Александр Николаевич является первым заместителем главного врача. Киваю на надписи: – Вот моя визитная карточка. Заходите!

В кабинете сажусь в своё кресло, а гостю молча указываю на стоящую напротив обычную медицинскую кушетку. Усаживать его на стулья, стоящие около стола, сидя за которым веду приём, считаю излишним.

– Так всё-таки кто такой этот ваш – как вы его назвали?... Эдуард Павлович?

– Вы должны это знать! Глава корпорации... – и следует весьма известное название.

– Я никому, кроме своих пациентов, ничего не должен, – жёстко припечатываю я и сразу интересуюсь с откровенной насмешкой: – А у помощника этого самого Эдуарда Павловича своё-то имя есть? Или вы у вашего босса по номерам числитесь?

Мужик багровеет и сначала, не найдя, что ответить, хлопает глазами, а потом взрывается:

– Какая вам разница!

– Просто я не привык общаться с пронумерованными манекенами.

Честно говоря, во время этой перепалки, слегка покопавшись в его мозгах, я уже прочёл, что зовут этого помощника Виктор Константинович Бураков, но всё равно уж очень хочется услышать это от него самого.

– Ну так всё же, может, назовётесь?.. – и держу паузу в знак ожидания.

– Бураков Виктор Константинович! – наконец подтверждает он выясненное мной самостоятельно.

– Так вот, возвращаясь к вашему Эдуарду Павловичу. Как я понимаю, вы считаете наличие в качестве папы топ-менеджера или даже, может быть, владельца фирмы даёт право сынку по пьянке творить беспредел?

– Мальчики отмечали день рождения. Ничего страшного. С каждым бывает!

– Ничего страшного, говорите? – задумываюсь. – Идёмте!

Предварительно заставив надеть требуемый у нас при любых посещениях больничных помещений белый халат и бахилы, веду этого помощника на третий этаж в палату к Ваньке.

Входим. Братишка лежит так, как я его, усыпив, и оставил. Пусть отдохнёт. И ночное дежурство, и ещё я намучил...

– Вот, видите? – показываю на изуродованное лицо. – Это сделал, как вы назвали, мальчик. Повалил человека и бил ногой по лицу, крича, что научит врачешек правильно обслуживать хозяев жизни. А этот врач находился при исполнении своих обязанностей и должен был работать с пациентом, которого привезли по «скорой» с серьёзным сердечным приступом. Царапины на лице сынка вашего хозяина в такой экстренной ситуации могли бы и подождать.

Сказав это, тем не менее читаю в мозгах своего визави полное равнодушие. Там висит только одна задача: забрать, уехать и забыть. Понимаю, что это точно представитель неких небожителей, или, как, оказывается, они себя называют, «хозяев жизни».

– Зачем вы мне всё это показываете? – наконец следует раздражённый вопрос.

– Об этом мы продолжим разговор в моём кабинете после того, как ещё посмотрим на вашего... мальчика, – отрубая я. Этого скота я и сам ещё не видел.

В смотровой на кушетке развалился и похрапывает здоровенный смазливый детина лет двадцати с небольшой, явно нестрашной ссадиной на лице. С его комплекцией справиться с Ванькой было нетрудно. Обращаю внимание на ботинки. На их носках укреплены блестящие металлические накладки. Теперь ясно, откуда у братишки такие переломы!

– Вы считаете вот это, – показывая на травму, обращаюсь я к посланцу папаши, – более срочным, чем сердечный приступ?

Ответа не жду, ведь уже прочитал его мысли.

– Идёмте!

В кабинете снова сажусь за стол, а гостю вновь киваю на кушетку.

– Хотелось бы услышать ваши комментарии показанного вам сначала на третьем этаже и потом на первом, – приглашаю я его к разговору. – Надеюсь, вы увидели разницу между первым и вторым случаями?

– Разница есть, – неохотно соглашается он и переходит в наступление: – А вы, я тоже надеюсь, понимаете разницу между сыном Эдуарда Палыча и каким-то местным сердечником, ну и вашим... районным врачом тоже?

– Тогда припишите к перечисленным вами и меня, – и не могу подавить усмешки. – Судя по поведению в присутствии вашей охраны, которое я сейчас наблюдал, себя вы причисляете к людям на уровне сынка шефа. Так?

– Конечно, не к самому верху, но весьма близко, – со спокойной уверенностью констатирует посланец папаши, явно успокоившись и собравшись с мыслями. – В ином случае я, возможно бы, так не сказал, но поскольку мы с вами сейчас тет-а-тет, замечу: в мире люди делятся на две неравные группы. Есть те, кого требуется обслуживать, а есть те, которые должны обслуживать, и их большинство. Я понятно излагаю?

– Достаточно понятно для мозгов какого-то «врачишки», – и снова усмехаюсь. – Но вам и отцу «мальчика» придётся учесть: я тоже делю людей, но совсем по другому принципу. По принципу человечности и морали.

Сказав это, включаю паузу и неожиданно начинаю анализировать свой опыт общения с подобными субъектами, то есть с сильными мира сего или с теми, кто себя таковыми считает. Искренне полагая, что высокое положение, а значит, и возможности, соответствующие такому положению, дают им больше прав, нежели всяким там «врачишкам», «учителишкам», «инженеришкам» и прочей неуважаемой такими людьми публике, они позволяют себе её бессовестно нагибать или вообще топтать. Тогда получается, например, вооружённый человек, а значит, тоже имеющий повышенные возможности, может спокойно по праву сильного грабить безоружного. Или я со своими сверхвозможностями в области биоэнергетики, гипноза и прочего из этой же области... Тоже ведь могу творить, что хочу! И сдерживающим элементом тут является лишь мораль. Только по признаку «морально или аморально» можно проводить границу! Но, увы, такие, как сияющий от лоска господин, сидящий напротив, проводят её совершенно по-другому.

Однако пора продолжить общение и наконец расставить все точки над *i*.

– Так вот... – я начинаю основную часть разговора. – Этого вашего мальчика до моего разрешения вы не заберёте, – и набираю по внутреннему телефону номер нашего юриста. – Лена, здравствуй. Я попрошу тебя подготовить заявление в полицию по сегодняшнему событию... Ах, уже готово! И свидетельские показания тоже? Спасибо тебе!

Положив трубку, смотрю на папашиного представителя.

– Вы с ума сошли? – искренне удивляется он. – Вы что, ничего не понимаете? Я могу позвонить, и приедут настоящие... парни, а не эти саботажники. Мы же просто заставим вас отдать мальчика.

– Насчёт, как вы сказали, саботажников... Попробуйте уложить в голове: они не виноваты, поскольку просто НЕ МОГЛИ не выполнить моего приказа, – объясняю я терпеливо. – Не заставляйте меня с целью убеждения приказать ещё и вам сделать что-нибудь... экстравагантное, а потом наблюдать, как вы будете это исполнять. То же самое случится и с теми людьми, которые приедут по вашему вызову. Умею я так! Понимаете?

– Вы что...

– Да-да! Именно то, о чём вы сейчас... возможно, подумали. Я не случайно показал вам свою, как я называю, визитную карточку. Вечером дома наберите в Интернете мою фамилию и почитайте, с кем ваша компания собирается связаться.

На лице моего визави снова откровенное смятение.

– Может, мы как-нибудь сумеем договориться?

– Договариваться я не намерен, – предупреждаю жёстко. – Считаю, поступать надо по закону. Этот отморозок нанёс нашему врачу телесные повреждения – пусть сумеет ответить. А что касается звонка папы в Управление полиции, так они, кстати, тоже по закону, просто обязаны принять у нас заявление и показания. Можете не сомневаться, я за этим прослежу.

– Хотите повоевать с системой? – теперь он насмешливо улыбается. – Это, знаете ли, опасно!

– А я привык. Не в первый раз, – и внимательно смотрю ему в глаза. – Выдюжу! Пойдёмте, хочу ознакомиться с заявлением и показаниями лично, а вашему мальчику уже пора просыпаться и ехать в отделение полиции. Да и нам надо освежить и прокварцевать помещение после его переезда.

Когда мы выходим из кабинета, представитель высокопоставленного лица ещё раз изучает содержание табличек на двери и даже всё записывает.

* * *

Наш юрист размещается в небольшой комнате рядом с бухгалтерией, и я захожу к ней вместе с папашиним посланцем.

– Здравствуйте, Александр Николаевич! – она поднимается из-за своего стола. – Я необходимые документы подготовила в двух экземплярах. Все свидетели избиения написали свои показания. Также в присутствии наряда полиции сделаны копии данных с камер видеонаблюдения. Они эти копии заверили по акту. Вот, посмотрите... А на заявлении в полицию нужна ваша подпись как исполняющего обязанности главного врача.

Ну и ну... Умница! На редкость грамотно сработала!

Лена – жена нашего с Ванькой друга Павла, работающего здесь же, в больнице, замом по хозяйству. С ней я знаком столько же лет, сколько и с ним, поэтому наше общение всегда происходит на «ты», но сейчас эта умнейшая женщина, прекрасно всё понимая и оценив обстановку, держится строго в рамках официальной лексики.

Пробегаю глазами по протянутым бумагам, потом подписываю заявление. На своего спутника даже не оборачиваюсь.

– Я хочу посмотреть, – заявляет он.

– Вам это покажут в полиции, если сочтут нужным, – сухо бросаю я, ловя при этом одобряющий взгляд юрисконсульта.

– Я потом и у Ивана Николаевича, как у пострадавшего, возьму заявление, чтобы представлять его интересы в суде, – как бы между делом замечает она. – Как он? Я пока к нему не ходила.

– Сейчас и не надо. Я там сделал всё, что требовалось, и теперь он спит. В общем, ещё раз спасибо! Наряд полиции ждёт, пойду и скажу им, чтобы паковали этого... – оборачиваюсь на папашиного представителя, – мальчика. А вместе с ними надо попросить съездить Павла, являющегося официальным лицом, чтобы он проследил входящую регистрацию нашего заявления и взял подписи на копиях документов.

На улице вижу перекуривающий около патрульной машины наряд полиции и странно топчущихся у двери двоих парней из охраны посланца. Подхожу к полицейским.

– Вот заявление от нашей больницы и свидетельские показания людей из числа персонала, видевших это безобразие, – и отдаю полицейским документы в «несгибайке». – Там же диск со знакомыми вам материалами с камер видеонаблюдения. Ваш клиент в смотровой – забирайте! Насколько я знаю, вы можете его задержать на двое суток. Наш сотрудник поедет с вами, чтобы забрать копии с визами о принятии оригиналов.

Не знаю, с какой интонацией у меня прозвучали эти слова, но старший наряда укоризненно качает головой.

– Александр Николаевич... Вы с нами так говорите, будто в чём-то подозреваете.

– Да. Я подозреваю, что будет ещё какой-нибудь приказ, который вам надо будет выполнять. Даже знаю какой, – и горько усмехаюсь. – Для такого предвидения не требуется моих способностей.

Взяв бумаги, наряд идёт за мной в смотровую, где по-прежнему безмятежно отдыхает главный виновник всех событий. Посланец папаши, присев на корточки около кушетки, начинает осторожно трясти его за плечо.

– Володя... Володя! Проснись... Ну, Володя!

Детина сначала что-то мычит, чмокает губами, потом нехотя открывает глаза.

– Ну чего?..

Потом он обводит непонимающим взглядом всех присутствующих, садится и трясёт головой.

– Бу-у-у... Ох... – снова обводит всех нас взгляд покрасневших глаз и брезгливо спрашивает: – Ну чё надо?

При этом выражение его лица чем-то неуловимо напоминает то, какое я видел на лице Буракова, когда он командовал приступом брать нашу смотровую.

– Володя, к тебе есть претензии, – с усталостью в голосе объясняет папашин гонец и кивает в мою сторону. – Вот у этих людей...

– Опять я кому-то морду побил? – довольно ржёт сынок и с видимым удовольствием заявляет: – Люблю я это дело по пьянке!

– Вы задержаны по подозрению в нанесении телесных повреждений врачу больницы во время его дежурства, – сухо констатирует старший наряда. – Идёмте в машину!

– Ещё чего! – презрительно скривив губы, бросает высокопоставленный детина. – Сейчас отцу позвоню – попрыгаете! Константиныч, где мой телефон?

– Посмотри, он у тебя всегда лежит в правом кармане, – с той же усталостью тона подсказывает посланец.

Телефон находится там, где и предполагалось.

– На! Найди, где там папаня, – Володя протягивает Буракову мобильник, и тот начинает перебирать меню.

Сцена, которую я наблюдаю, вызывает чувство омерзения. Я и так зол, а сейчас просто боюсь сорваться в бешенство.

– Эдуард... Палыч, это я, – предварительно бросив на меня взгляд, странным тоном представляется помощник после ответа. – Нет. Не позволили забрать... Здесь написали заявление в полицию, и сейчас Володю повезут в отделение... Я не смогу его забрать! Главврач не разрешает... Сейчас дам, – и протягивает мне трубку.

Как мне это знакомо! Так часто по разным поводам возникают подобные ситуации!

– Слушаю.

– Нет, это я вас слушаю! – звучит раздражённый голос. – Что вы там устроили с моим сыном?

Делаю глубокий вдох, чтобы погасить приступ ярости. Однако эта вынужденная пауза явно подхлестнула папашу, который, как видно, ждать не привык.

– Я спрашиваю, что за цирк вы там устроили с моим сыном? – раздаётся повелительный ор в моё ухо.

– Во-первых, прекратите орать, иначе я не стану с вами разговаривать. Кто бы вы ни были, а мне это совсем не интересно, призываю вас блюсти хоть какие-то нормы этики.

Папаша пытается перебить, но я уже давно знаю, что для прекращения таких попыток достаточно продолжать говорить, не повышая голоса и чётко разделяя слова, тогда оппонент будет вынужден молчать и слушать.

– Во-вторых, я подписал заявление в полицию на вашего сына о нанесении им телесных повреждений врачу нашей больницы во время его дежурства. У этого доктора сломаны лицевые кости, ведь ваш сын его повалил и бил по лицу ногами. На записи с камер видеонаблюдения это отлично видно. Вы хорошо слышите?

Специально делаю паузу, поскольку понимаю, каким бы этот папаша ни был, размер бедствия должен его впечатлить.

– Слышу, – отрывисто произносит он.

– Так вот, мы здесь расцениваем этот случай как злостное хулиганство, и наш юрист мне объяснила, поскольку речь идёт о травмах черепа, он может потянуть на несколько лет... отдыха, к чему мы и будем стремиться через суд.

– У вас ничего не получится, – в его тоне я слышу усмешку. – Я не позволю вам этого сделать.

– Не обольщайтесь. Я, доктор Елизов – запомните, пожалуйста, такую фамилию, – вам обещаю: в любом случае получится. Всех благ! – и даю отбой.

Папашин помощник, хлопая глазами и поправляя галстук, смотрит растерянно. Не знаю, что его так потрясло – неудача в попытке вызволить сынка шефа или тон моего разговора с этим человеком.

– Забирайте молодца! – команду я наряду.

– Я тебя ещё размажу... – бормочет сынок, с ненавистью глядя мне в глаза.

– Это если сумеешь допрыгнуть, – усмехаюсь я, – а пока отдохни. В том числе и от такой мысли.

На улице наблюдаю, как его пакуют в полицейскую машину. Двое изгнанных мной парней продолжают топтаться у входа в приёмный покой.

– Поехали! – командует Бураков, собираясь сесть в машину.

– Приказано ждать... – бормочет один из них, не сходя с места.

Ну что ж, пора дать им свободу. Подхожу.

– Смотреть на меня! – смотрят. – Всё! Свободны! – щёлкаю пальцами и поворачиваюсь к посланцу. – Забирайте ваших сотрудников.

Бросив в мою сторону опасливый взгляд, он повторно произносит уже почти без командных ноток:

– Ну, поехали...

* * *

Проследив за отъездом полицейских с задержанным, Павла на его «Ниве» и Буракова с сопровождающей охраной, хочу вернуться к себе в кабинет, но вижу, что от «Лексуса», по-прежнему стоящего за шлагбаумом, в мою сторону направляются те двое парней, которые, по всей видимости, и привезли сюда «мальчика». Спокойно стою и жду. Кажется, всё произошедшее их несколько озадачило неожиданной развязкой. Неужели начинается «вторая часть Марлезонского балета»?

Подходят. На вид им тоже лет по двадцать. Скорее всего, ровесники виновника.

– Что вы хотели, парни? – интересуюсь я. Ведь не просто же так они решили подойти!

– А куда Вовика повезли?

Да уж, Вовик...

– В отделение полиции. А у вас были на этот счёт сомнения?

– У него отец...

– У него отец, а у всех нас – закон! – перебиваю я. – И по этому закону ваш приятель будет отвечать.

– Ой, мужик... Ты насмешил! Да его батя только даст команду, и будешь ты... полностью счастлив! – начинает ржать свита «мальчика». – Запомни! Он его всегда вытаскивал, вытащит и сейчас. Вовик будет в шоколаде, а вот ты на свою жопу приключений уже точно нашёл! Палыч такого не прощает.

Смотрю на их довольные рожи и чувствую, как внутри растёт... омерзение. Не знаю, являются ли эти недоросли отпрысками каких-то влиятельных особ или просто прихлебателями этого Вовика, но в любом случае они явно тоже причисляют себя к хозяевам жизни.

– Так, парни... Вы меня утомили, – мой голос действительно звучит устало. Сам это слышу. – Езжайте-ка отсюда... подобру-поздорову.

– А если не поедем, что будет? – звучит довольно наглый вопрос.

Ох, как я устал! Полночи в самолёте, теперь тут всякие приключения, да и с Ванькой намучился, а ещё надо будет с ним сейчас сеанс энерготерапии повторить! И это не проходящее раздражение...

– Повторяю, езжайте отсюда. Иначе плохо будет. Я вас честно предупреждаю.

– Мужик, ты что-то не догоняешь. Мы же тебя сейчас за Вовика и сами можем... – и ко мне тянется рука.

Резко чувствую злое веселье. Вспоминаю детскую игру и, поймав взгляд нападающего парня, резко со щелчком пальцев командую:

– Замри!

Противник цепенеет. Стоя истуканом с протянутой рукой, он явно не понимает, почему вдруг его тело одеревенело, старается преодолеть такую неожиданность и, от этого сопя, тарашится на меня.

– Мужик, ты чё... – и второй делает шаг в мою сторону.

– Тоже – замри!

Окидываю взглядом результат своих «трудов». Оба стоят в нелепых позах и с идиотскими лицами.

– Значит так, парни... Надеюсь, вам уже понятно: сколько вы будете вот так тут стоять статуями, зависит от меня, – после паузы почти ласково сообщаю я. – Не советую вам испытывать моё терпение дальше. Может случиться что-нибудь похуже, и от вас зависит – это завершение или пока только начало. Ясно вам?

Тупо смотрят, поскольку больше ничего сделать не могут.

– Будем считать, что ясно... Ну всё. Свободны! – и опять щёлкаю пальцами. – Пошли вон отсюда! Чтобы я вас здесь больше не видел.

Получив свободу, они с теми же оторопевшими лицами, сначала отступая задом, делают несколько шагов, потом разворачиваются и, периодически оглядываясь, перебежками двигаются к своей машине.

Уф... Даже не могу охарактеризовать случившееся. Вообще-то на этих двоих клоунах я немного разрядился после своего утреннего напряжения. И им ещё повезло: я их только обездвигил, а не сделал что-то более серьёзное. А ведь такое могло случиться сгоряча! Плохо это, конечно... Сам понимаю! Вспоминаю, как когда-то в острой дискуссии сказал, что на каждую наглую силу должна быть бóльшая сила, дабы наглецу дать не только отпор, но и урок на будущее.

Возвращаюсь в кабинет. Хочется просто посидеть и немного собраться с мыслями, да и надо отдохнуть перед очередным сеансом с Ванькиной физиономией.

Да... Отправив этого сынка в отделение полиции, я реально встал на тропу войны. Причём, даже не заглядывая в будущее, можно с уверенностью предсказать, войны скорее всего без каких-либо правил. Таких могущественных противников у меня ещё не было. В начале работы в этой больнице с местными чиновниками воевать приходилось, но это была чисто производственная необходимость, поскольку, придя сюда на полный развал, который их устраивал и практически поддерживался, мы тогда старались сначала хотя бы навести порядок. За прошедшие годы нам с Кириллом Сергеевичем удалось собрать отличную команду. В результате нашего совместного труда и благодаря попечительскому совету и благотворителям обычная районная лечебница, несмотря на скромные размеры, превратилась в мощную современную медицинскую организацию, обеспечивающую и излечение, и комфорт своим пациентам. По ряду показаний к нам едут буквально отовсюду, в том числе солидные чиновники из столичных правительственных структур. Часто и в очередь записываются, чтобы решить проблемы со здоровьем именно здесь, у нас. За годы напряжённой работы и после наших успехов трудно было не обзавестись влиятельными знакомствами, способными сыграть положительную роль в разрешении сложных ситуаций, но при этом я никогда ещё своими «связями» не пользовался, хотя часто достаточно было просто набрать номер телефона. Не хочу пользоваться ими и сейчас. Воевать за справедливость буду самостоятельно. Дело здесь даже не в том, что пострадал

человек, которого нежно люблю, мой братишка. Я бы точно так же вёл себя, случись такое с любым другим врачом, да и вообще человеком.

Ну ладно... Немного отдохнул, теперь надо идти к Ваньке.

Чёрт! Со всеми событиями совсем забыл сообщить жене о своём благополучном возвращении. Нахожу в меню номер её телефона.

– Дашка, привет! Я вернулся и сейчас в Чистых Озёрах. Тут с Ванькой беда случилась...

– Господи! Что с ним?

Кратко рассказываю и заодно предупреждаю о своём будущем длительном отсутствии дома, а вернее, на даче, где сейчас помещается моё семейство. Объясняю необходимость постоянно проводить с братишкой свои сеансы. О грядущей войне с сильными мира сего пока не говорю.

– Ох, Сашка, – вздыхает Даша. – Ужас-то какой... Если бы не мальчишки, я бы приехала прямо сейчас. Ему ведь рядом сиделка нужна! А Рита уже там?

– Честно говоря, не знаю. Я ей не звонил, Ванька наверняка тоже, поскольку он со своим отёком лица просто не смог бы этого сделать. Правда, если бы и мог, вряд ли стал бы сразу волновать жену. Ну ладно, я сейчас к нему, а вечером тебе обо всём доложу.

Едва даю отбой, как дверь кабинета открывается.

– Саша, к тебе можно? – заглядывая, спрашивает Павел, вернувшийся после поездки в отдел полиции.

Постукивая протезом и палкой, он входит и садится на стул у моего стола. Став инвалидом в первую чеченскую войну и из-за этого насидевшись без работы, этот человек, с тех пор как принял под опеку наше больничное хозяйство, будто взлетел. Несмотря на отсутствие ноги, поспевает везде, и по его части у нас всё просто блесит.

– Ну как, заявление они приняли? – с напряжением интересуюсь я, понимая, что для полиции отношения со мной – это одно, а приказы начальства – совсем другое.

– Ну а куда они денутся? – усмехается он. – Уже Ленке отдал все завизированные копии. Теперь ты скажи: с Ваней насколько серьезно? Я понимаю, сделали всякие там рентгены и прочее, да и Алёшин смотрел, но хочу знать твою оценку.

Вопрос звучит с беспокойством, заставляя испытать огромную благодарность за сочувствие и участие.

– Паш... Естественно, всё там нездорово, и работы мне предстоит много. Сам же понимаешь, я не успокоюсь, пока не поставлю братишку на ноги и не приведу в порядок.

– То есть уродом он не будет?

– Не будет. Я ему пообещал, что спасу его неопишущую красоту, – и вздыхаю, – но, повторяю, трудов потребует немерено.

– Ленка подготовила от его имени заявление в суд. Хочет, чтобы Ваня подписал.

– Сегодня лучше не стоит. Пусть немного придёт в себя. Вот сейчас собираюсь сходить и провести с ним ещё один сеанс своей терапии.

Едва выхожу из кабинета, сигналит мобильник. Звонит Сергей Александрович Кушелев – мой давний друг и самый первый благотворитель больницы. Понятно... Сын Кушелева Юра, закончив Медицинскую академию одновременно с Ванькой, работает у нас в хирургическом отделении и, конечно, успел сообщить отцу о случившемся.

– Здравствуйте, Сергей Александрович! – он существенно меня старше, поэтому я всегда обращаюсь к нему на «вы». – Вижу, про наши новости Юра вам уже доложил...

– Саша, если для Вани что-то нужно, то сам знаешь...

– Знаю и не буду вас беспокоить. Ему пока нужны покой и моя энерготерапия. Остальное я сделаю сам. Но всё равно – спасибо!

Вот так бывает всегда. Вся наша команда из-за братишки всполошилась. И такое внимание друг к другу у нас существует давно. Годами! Очень приятно чувствовать вокруг себя в полном смысле слова «своих». Один за всех и все за одного!

* * *

Поднимаюсь на третий этаж.

– Александр Николаевич, Ваня уже проснулся. Я его немного покормила через поильник, – подходя, сообщает старшая медсестра Шитова. – И ещё... Не знаю, правильно ли это, но Рите я позвонила. Она должна вот-вот приехать.

– Всё правильно сделали. Я сам собирался. Спасибо, Елена Михайловна!

Естественно, Рита придет. Она – замечательная девчонка! Характером чем-то мою Дашу напоминает. Повезло братишке с женой!

– А вам, честно говоря, я бы посоветовала после сеанса с Ваней хотя бы на часок прилечь в своём кабинете, – с давно знакомой строгостью замечает Старшая. – Вид у вас очень усталый. Только с самолёта, а тут вот такое...

– Не знаю. Если получится, – отмахиваюсь я и захожу в палату.

Всегда благодарю свою судьбу за то, что свела с таким замечательным человеком, как Елена Михайловна. Наша старшая медсестра из тех, кто, как говорится, на все руки. Это блестящий профессионал и, даже находясь на своей сугубо административной должности, очень старается не потерять квалификации, в том числе и как хирургическая сестра. Мы с ней часто вместе работаем в операционной, и тогда я всегда совершенно спокоен за зону её ответственности. А сестринское хозяйство ею содержится просто в идеальном порядке, и персонал воспитывается со всей строгостью, даже иногда, при обнаружении какой-либо нерадивости, с применением сугубо мужской лексики. Правда, ни разу не замечал, чтобы кто-то из медсестёр на неё обижался за жёсткость, ведь всем известно, что Старшая всегда оказывается первой там, где труднее всего, а такой человек вызывает только уважение.

Для Шитовой доктор Иван Николаевич Серёгин, когда они тет-а-тет, просто – Ваня. Она из тех, кто помогал ему в его первых шагах на медицинском поприще, да и до сих пор старается всячески поддерживать. Вообще все мы, кто тут семь лет назад начинал восстановление разрушенного хозяйства, относимся друг к другу как-то особенно, по-родственному. Кроме нас с Ванькой и Кирилла Сергеевича это и Павел с Леной, и Шитова, и Светлана Сергеевна... Да и не только они. Например, замечательный хирург и заведующий отделением Алексей Сергеевич Алёшин. Ну и другие, конечно, тоже.

...Ванька уже проснулся, но полулежит в той же позе.

– Ну как ты? – и сажусь на край кровати.

– Не знаю... – выдавливает он, явно прислушиваясь к своим ощущениям. – Голова кружится... Слушай, помоги сходить... в сортир. Боюсь грохнуться.

Осторожно помогаю ему встать и, придерживая, сопровождаю. Персональные удобства в наших палатах есть. Ну вот... Теперь укладываю обратно.

– Елена Михайловна меня... покормила. Спасибо ей....

– Она мне уже сказала. Значит, Ванюха, я сегодня буду ночевать здесь, чтобы свою терапию с тобой проводить постоянно. Даше только что позвонил и предупредил. Давай-ка сейчас займёмся.

– Погоди... Ты с тем... как решил?

Понимаю, что речь идёт о сынке.

– Его по нашему заявлению задержали и увезли в отделение полиции. Ты же, наверно, знаешь, это только на сорок восемь часов, а дальше будет решать суд.

– Ты с ним ничего... не делал?

Бойтся, что я в отместку за содеянное гипнозом наведу какую-нибудь порчу.

– Ничего. Но очень хочется! Видел бы ты эту наглость.

– Сашка... Сколько мы... с тобой говорили... Очень тебя прошу... воздержись.

Еле может говорить, а всё воспитывает! Ведь Ванька единственный, кто в курсе, что я умею дистанционно воздействовать на людей, с которыми виделся и разговаривал.

– Ванюха, я тебе сказал – пусть решает суд. По крайней мере, насчёт его задержания. Хотя практически уверен, отпустят под какую-нибудь подписку о невыезде. Тут даже моих способностей не надо иметь, чтобы предвидеть такое. Но в любом случае к тебе придёт Лена, и ты подпишешь заявление на твоего обидчика.

– Думаешь, надо?

– Надо! Он кроме всего прочего должен тебе материальную компенсацию за физический и моральный ущерб. Ты знаешь, я не меркантильный человек, но после такого безобразия должно быть наказание. Подумай о тех, кто от него пострадает в будущем, если не будет наказания за сегодняшнее. Согласись, это – аргумент!

– Согласен... – вздыхает Ванька.

– Ну всё! Философия потом, а лечение – сейчас. Положи голову на затылок...

Сам немного помогаю ему лечь так, чтобы я мог правильно расположить руки. Правда, у него же ещё и рёбра... Там ведь тоже надо!

– Ванюха, а он тебя по позвоночнику не бил?

– Нет... слава богу... Я старался отвернуться... Только вот... рожа пострадала.

– Ничего, лицо я тебе сделаю за несколько дней. Ну давай...

Располагаю руки и начинаю воздействие.

– Тёпленько... – бормочет братишка и пытается улыбнуться.

– Прекрати болтать! Мешаешь.

В это время открывается дверь и в палату быстро входит Рита.

– Ваня!.. – вырывается у неё при виде Ванькиного лица. – Что он с тобой сделал! Ой... Здравствуйте, Александр Николаевич.

За годы, которые они вместе, никак не могу заставить её называть меня на «ты», как родственника. Всегда только на «вы»!

– Привет. Садись и пока не мешай... – киваю ей на стул. – Или вот этим полотенцем вытирай мне лицо, пока я провожу сеанс.

Тружусь долго. Во время всего процесса, сразу же вооружившись показанным мною инструментом, Рита осторожно убирает пот с моего лба, носа, около глаз, а я, не прерываясь, продолжаю энергетическое воздействие. Как всегда, когда трудно, молю Господа о помощи.

– Ну вот... – удовлетворённо бормочу, закончив. – Через пару часов повторим. Тебя усыпить, или ты сам?

– Сам... Сейчас только мы с Риткой немного поговорим... Это ты её сюда вызвал?

– Елена Михайловна позвонила, – почему-то с нотками вины признаётся жена.

– Такой заботой... обложили, – ворчит Ванька.

– Согласись, что лучше, когда обкладывают заботой, нежели матом. Ты ещё скажи, что тебе это неприятно, – хмыкаю я.

* * *

Главу районной администрации Николая Сергеевича Зорина увидеть в своём кабинете я ожидал. Будучи прежде крупным бизнесменом, владеющим большим количеством предприятий и фирм разной специализации, он почти с самого начала нашей здесь работы, вслед за Кушелевым, стал одним из первых благотворителей больницы. Уже тогда, не являясь руководителем района, Зорин называл себя его хозяином. Дочь Николая Сергеевича с той самой поры

работает у нас в бухгалтерии и наверняка, как и сын Кушелеву, сразу сообщила отцу о случившейся беде. А к Ваньке у него давно отеческое отношение.

– Здравствуйте, Александр Николаевич! – глава района крепко жмёт мне руку. – О вашей беде я знаю, потому и приехал. У Вани уже был. Ужас!.. Мне сказали, кроме лица ещё и два ребра сломаны.

– Там, слава богу, не переломы, а трещины, но ведь тоже надо лечить! Поэтому энергетически я работаю в полном смысле слова не покладая рук.

– Что у него с лицом будет?

– Ничего не будет, – бурчу я. – Нормально будет... На место я ему всё поставил, но потрудиться придётся немало. Думаю, через три-четыре дня отёк уберу и со сращиванием костей помогу.

– Скажите, в этой ситуации я могу чем-то помочь?

– Можете, и это будет очень нужно. Не хочу, чтобы спустили на тормозах наше обращение. Лена необходимые документы подготовила, и они уже в отделении полиции. Туда же отправили и копии данных с камер видеонаблюдения. Надо, чтобы этого молодца суд пока отправил в СИЗО, а дальше надеюсь на наше правосудие.

– Странно, на юношу вы, вроде, не похожи, – усмехается Зорин.

– Это вы про мои надежды? Я их постараюсь подкрепить действиями.

– Александр Николаевич, вы, возможно, упрекнёте, что снова поднимаю одну из тем тех дискуссий, которые мы ведём во время наших с вами посиделок, но с некоторых пор я стал бояться ваших возможных... действий.

Понимаю, что Николай Сергеевич имеет в виду то же, о чём говорил Ванька.

– Я не про такие действия, о которых вы подумали. Пока прошу вас, если это возможно, надавить на наших правоохранителей и судебные органы, чтобы они не стали, виляя задом, отползать от необходимости применять закон.

– Вообще-то об этом можно было и не просить, – с некоторой обидой произносит глава района. – Мы столько лет с вами в одной команде, и я сам в состоянии понять, какие шаги от меня требуются. Но может, нужна какая-то дополнительная охрана на случай вот таких проявлений ваших пациентов?

– Простите, Николай Сергеевич... – понимаю, не надо было ему разжёвывать то, что он знает и без моей подсказки. – Просто я сегодня в сильно заведённом состоянии. И о Ваньке беспокоюсь, и всерьёз намерен эту историю довести до правильного, то есть законного конца, хотя папаша этого скота некий Эдуард Павлович – глава одной из крупнейших корпораций.

– Похоже, я знаю, о ком идёт речь, – задумчиво бормочет Зорин. – Предположу, такая задача почти невыполнима. Когда-то вы охарактеризовали этих людей как небожителей. Им закон не писан, а значит, они чувствуют вседозволенность.

– То есть вы косвенно соглашаетесь со мной, что единственный способ борьбы с ними – это мои способности? – с усмешкой цепляюсь я к его словам.

– Александр Николаевич, давайте оставим такую дискуссию на посиделки в моём кабинете. Слишком... объёмная тема.

– Но ведь так всё это оставлять нельзя! Вы согласны?

– Безусловно, согласен, но сначала давайте дождёмся первого решения суда, то есть о мере пресечения. Дальше видно будет!

Николай Сергеевич прав. Зачем забегать вперёд? Надо действовать по ситуации.

– Ваш вид мне совсем не нравится, – замечает он. – Вы прямо с аэродрома?

Киваю.

– Как Кирилл Сергеевич долетел?

– Вполне нормально. Таким бодрым вышел из самолёта! Надеюсь, поездка в практически родные места принесёт ему только положительные эмоции. Даже хорошо, что его тут пока нет и он не стал свидетелем всего этого безобразия.

– Естественно! Только этого ему не хватало с его сердечными проблемами. Ладно, я тогда, пожалуй, поеду. Дел, как всегда, невпроворот! По пути обязательно заеду в полицию и потом вам позвоню. А вы всё-таки прилягте. Вам надо хоть немного отдохнуть.

* * *

Глядя на то, как люди реагируют на случившееся с Ванькой, радуюсь за братишку. Любят его! Забота со стороны персонала больницы просто трогательная. Это выражается не только в неукоснительном исполнении немногочисленных просьб пострадавшего, но и в постоянном желании что-то сделать сверх или хотя бы не позволить кому-то нарушить его покой. Всё это вполне естественно, ведь Ванька – человек, который своей добротой, теплом и вниманием способен привязать к себе любого. Детей он просто в себя влюбляет, и они от него не отходят. Мои мальчишки, когда приходит дядя Ваня, сияют счастьем и часто даже не дают нам обстоятельно поговорить на служебные темы. На работе при каждом визите доктора Серёгина в наше детское отделение, хотя он числится в терапии и основная работа у него там по части неврологии, все пациенты в этот момент, наверно, о своих болезнях забывают. И это оправдано, ведь Иван Николаевич всегда найдёт возможность уделить внимание каждому. Это касается и пациентов других наших отделений, куда он также навещает по необходимости применения энергетической терапии. Про Ванькино семейство я и не говорю. Там в него тоже все влюблены – от почти шестилетнего сына Сашки до родителей Риты, души не чающих в своём зяте. А полугодовалая Сашкина сестрёнка Ленка с папиных рук просто не слезает.

К сожалению, живя с ним рядом столько лет, я так и не научился такому общению, какое демонстрирует братишка. Мне всегда не хватает времени на психологические изыски, и оправдываю себя лишь своим постоянным бегом от одной проблемы к другой.

Все эти мысли пришли мне в голову после того, как, проходя по третьему этажу к ординаторской хирургии, я собрался зайти в Ванькину палату, но был остановлен пожилой санитаркой, которая строго предупредила, что Иван Николаевич только заснул. Поблагодарив её, входить к нему не стал. Прошедшей ночью я провёл два сеанса и оба раза вынужден был братишку будить. Конечно, после всего этого надо дать человеку поспать, ведь и от сна в большой степени зависит его выздоровление.

После обхода спускаюсь в свой кабинет. Хочу на часок прилечь.

На кушетке своё место занимает вынутая из шкафа, ставшая за годы родной подушка, и я укладываюсь. Усталость клонит в сон, но мысли заснуть не позволяют. Подсознательно подвожу итоги прошедших суток.

Так... Доверенность на представление интересов врача чистоозерской больницы Ивана Николаевича Серёгина по факту нанесения ему телесных повреждений при исполнении им своих служебных обязанностей Леной получена. Заявление в полицию ею от имени Ваньки написано, осталось только у него его подписать. Как уже сообщили местные полицейские, сегодня с самого утра по команде сверху сынка увезли в город и суд будет там по месту постоянного жительства. Прекрасно понимаю, что даже домашнего ареста не будет. Да и потом всю отмазывать будут. Это и Лена объяснила, да и сам я... определил. Предельно ясно: таких серьёзных противников, как нынешние, у меня ещё не было. Речь не о сынке. А вот папа и его окружение, как честь мундира, будут отстаивать свою неприкосновенность по принципу «нам можно всё!» Был же звонок в Управление внутренних дел и оттуда распоряжение местным полицейским. Да и перевод виновника в город для назначения ему судом меры пресечения тоже наверняка был сделан после соответствующей просьбы. Вот и получается, что задейство-

ваны повышенные возможности некоторой группы лиц. Нет, господа... если даже мне нельзя всего, то вам тем более.

Так всё-таки что же делать? Отпустить ситуацию? А вот – хрен вам! Кто же вступится за Ваньку, если не я, его старший брат и по-настоящему единственный родной человек? Жаль, Лены сейчас нет. Она поехала на суд. Надо обязательно, когда вернётся, с ней поговорить и наметить план действий.

Глаза слипаются... Пора хоть немного отдохнуть. А проснусь, сразу буду делать своё любимое энергетическое упражнение, когда представляешь себя лежащим на пляже под ярким солнцем и вбираешь его энергию. Мне оно очень помогает восстанавливаться после серьёзных нагрузок. Как новенький становлюсь!

...Мобильник будит меня примерно через час, и Зорин сообщает об отправке высокопоставленного сынка на суд в город по месту жительства, а это я уже знаю от местной полиции. Ещё он предлагает обратиться к Сергею Александровичу для организации помощи Лене со стороны его юридической команды. Мысль здравая. Хоть наш юрист и является профессионалом своего дела, но из-за занятости текущими делами может сложиться ситуация, когда ей придётся быть одновременно в двух местах, и тогда ещё чьё-то участие станет просто необходимым. Решаем обсудить такой вариант с ней самой.

Встаю и иду к Лене, чтобы послушать рассказ про суд.

– Ну что можно сказать... – начинает она нехотя. – Общий фон, буквально насаждаемый юристами с той стороны, был... – и делает паузу, подбирая слова. – Я бы охарактеризовала так: «Вы нас всех очень насмешили!» Мне прямо предлагали забрать наши «бумажки» и не тратить попусту времени. А когда я напомнила про заявление в полицию от пострадавшего, заявили, что его испорченное лицо стоит не более полусот тысяч и этот вопрос они решат без проблем в случае нашего отказа от судебной тяжбы. В результате все разговоры про домашний арест задержанного были отмечены со словами: «Он же не представляет опасности для общества!» Видел бы ты при этих словах его рожу! Было заявлено, что суд руководствуется своим внутренним убеждением, и этого «мальчика», как мы с тобой и предполагали, не арестовали, а отпустили... под залог с обязательством соблюдения режима доступности для следствия. Мы с тобой, Саша, знакомы давно. Ты знаешь, я достаточно спокойный человек, который старается всегда искать компромисс, и склонна всё заканчивать миром. В этом случае у меня такого желания нет.

Лена говорит резко, чётко произнося слова, и они у неё сейчас, как говорится, от зубов отскакивают. Хорошо чувствую её раздражение.

– Но я так понимаю, дело всё-таки принято к производству.

– Принято в районном отделе полиции. Только я не исключаю в недалёком будущем каких-либо «случайных» пропаж в представленных нами документах и поэтому ещё вчера озадачилась дополнительными копиями со всего, с чего их можно было сделать.

– Главное – сохранность съёмки видеокамерами имевшего место безобразия.

– Я тебе говорила, что эти копии тоже сделаны в присутствии вчерашнего наряда полиции под написанный акт с их и нашими подписями. Ты бы на всякий случай положил все эти материалы в сейф в кабинете Кирилла Сергеевича.

– Хорошо, дай мне копии, я спрячу. В общем, подпиши у Ванюхи заявление в суд, а если будет сомневаться и упираться, то зови меня. И подумай, потребуется ли тебе какая-то помощь во всех грядущих проблемах. Я бы тогда с Сергеем Александровичем поговорил, чтобы взять кого-то из его юристов.

– Знаешь... Думаю, сейчас это будет полезно, – подумав соглашается Лена.

* * *

Как обычный специалист веду свой ежедневный вечерний приём. Это у меня – святое. Стараюсь проводить его, не отменяя, несмотря на любое своё физическое состояние. Население посёлка Чистые Озёра давно привыкло и готово по любому поводу бежать за биоэнергетической помощью к нам с братишкой. Естественно, теперь моя нагрузка возросла, ведь пришлось взять на себя, пока Ванька болен, ещё и его пациентов, нуждающихся в таком лечении. Народу, конечно, много, и поэтому вместо семи вечера буду заканчивать в половине девятого. Местные жители уже знают о случившемся с доктором Серёгиным, который благодаря своей терапии здесь популярен не меньше, чем я. Вопросы о состоянии любимого доктора я слышу почти от каждого пришедшего – как от его пациентов, так и от своих. Приходится терпеливо рассказывать и людей успокаивать.

Сегодня у Ваньки, как у пострадавшего и после дополнительных уговоров со стороны Лены всё же подписавшего заявление в суд, был следователь. Я с ним встретиться не смог, поскольку был в операционной, и сопровождала его наш юрист. Потом она мне рассказала о своих впечатлениях от этого визита. Говорила, что, хотя братишка с большим трудом мог отвечать на задаваемые ему вопросы, не заметила какого-то интереса к случившемуся у этого полицейского. Да и сами вопросы, которые он задавал, были, как это называется, дежурными, а вся беседа была слишком краткой для желания в чём-то разобраться и напоминала формальную процедуру. Если так, то вполне можно сделать вывод обо всём, что нас ждёт в дальнейшем, и о причинах... Подозреваю, обработка всех привлечённых к делу по нашим заявлениям уже началась.

Ну вот, почти девять. Надо сходить на пищеблок. Там должны были оставить ужин. Устал я что-то сегодня... Правда, после моей нынешней нагрузки трудно было не устать. Стук в дверь... Неужели ещё кто-то из Ванькиных на процедуру?

Появляются трое молодых мужиков. Одного узнаю, поскольку когда-то его лечил от пьянки, а таких своих пациентов я всегда помню хорошо.

– Здравствуйте, Александр Николаевич, – почтительно здороваются они и сразу объясняют: – Мы насчёт Ивана Николаевича... Как он?

Приглашаю их сесть и вкратце рассказываю. Заканчиваю словами о подаче на виновника заявления в суд.

– Вы думаете, этого козла осудят? – с сомнением высказывается один из посетителей. – Нам сказали, у него папаша какой-то уж слишком крутой.

– Закон у нас, мужики, один для всех. И для крутых тоже.

Вот сказал то же, что говорю всем, но самому ясно: это вовсе не так.

– Да ведь отмажут же его адвокаты! – звучит негодующее восклицание.

– Александр Николаевич, а почему вы сами не хотите? – тихонько интересуется другой, тот которого я лечил. – Все же знают, вы... всё можете.

Я понимаю, про мои «чудеса» в посёлке наслышаны и люди о них судачат, но сейчас прозвучал, по сути, призыв к наказанию виновника в виде осознанного нанесения ему ущерба! Неужели они считают, что коль скоро такое возмездие будет однозначно справедливым, то оно обязательно должно состояться? Ну и как мне им ответить?

– Если бы я всегда поступал по подсказкам своих эмоций, то принёс бы много вреда, – замечаю со вздохом и признаюсь: – Хотя, честно говоря, когда увидел лицо брата, стгоряча было желание... Только Иван попросил такого не делать. Он прав, плохо это!

– Иван Николаевич очень добрый... – тихо бормочет один из пришедших. – Он же как святой. Промолчит, отойдёт и, значит, простит. Таких обижать – грех!

Последнее было сказано с такой убеждённой уверенностью, что я очередной раз порадовался за братишку. Да, собственно, не только за него, но и за сказавшего эти слова тоже. Прощаюсь с этими мужиками за руку и провожаю до двери. Закончившаяся беседа будто протянула между нами какую-то ниточку...

Снова сев в своё кресло, задумываюсь. После случившегося мысли постоянно крутятся вокруг одного и того же – вокруг необходимости неотвратимого наказания сына этого Эдуарда Павловича, которого действительно всячески будут отмазывать, и я в состоянии обеспечить такую неотвратимость. Уверен, это «лукавый» меня искушает, подбрасывая ситуации, где самым простым и действенным способом разрешения конфликта является применение моих способностей, причём в самом жёстком их варианте.

* * *

Лена всё время находится в ожидании вызова, но после состоявшегося визита к пострадавшему следствие более никакой активности не проявило. Со вчерашнего дня наш юрист при ведении дела имеет помощь юристов от Кушелева, которые теперь, так же как и она, ждут. Однако когда начнётся какое-то движение, сейчас сказать трудно.

Отёк на Ванькином лице в значительной мере спал, и поэтому говорит он теперь почти нормально. Слава богу! Не зря я столько трудился и тружусь. Процедуры братишке провожу по пять раз в сутки. Своими средствами определил – процессы сращивания костных тканей проходят неплохо. После сотрясения мозга многое тоже нормализуется. С трудом уговорил Риту быть дома и заниматься детьми, а не сидеть у его койки здесь, в Чистых Озёрах. Она согласилась, что в больнице её мужа обихаживают по высшему разряду, но желая в такой тяжёлый для него период быть рядом, и всё равно каждый день приезжает проведать. Снова отмечаю: Ваньке в жизни серьёзно повезло. Своей Даше обо всех делах докладываю по телефону тоже ежедневно, поскольку на период Ванькиной болезни, как когда-то в давние времена, переселился жить в больницу. По-другому быть и не могло, ведь кроме своей работы у меня появилось много дополнительной.

Захожу в Ванькину палату. Он, полусидя, прислонившись к спинке кровати, читает. Обложка книги хорошо видна. «Война и мир»? Однако...

– Ну как ты? Как головушка?

– Как? А то у тебя никогда сотрясения не было, – фыркает братишка. – Носит меня пока, конечно, из стороны в сторону... Рожа в зеркале твоими трудами вроде уже ничего...

– Давай-ка я ещё немного потружусь. Ляг, как надо!

Откладывает книгу и сползает затылком на подушку. Начинаю работать.

Воздействуя на Ванькино лицо и ребра, пытаюсь понять, не ослабла ли моя энергетика от нагрузки, навалившейся за последние дни. Спать удаётся только по четыре, в лучшем случае пять часов в сутки, ведь, ночуя в больнице, я не могу не подставлять плечо дежурящим коллегам. Да и вообще у нас так заведено с самого начала: можешь помочь – помоги. В общем, устал страшно! Ещё послезавтра мне нужно будет ставить на место позвонок одному из наших пациентов, а это потребует высокой концентрации и хорошей энергетики. Правда, слава богу, судя по ощущениям самого себя, мои возможности от усталости не страдают.

– Ну вот... Пока всё, – с удовлетворением вздыхаю я, заканчивая сеанс.

– Сашка, у тебя такой усталый вид, – почти в унисон со мной и почему-то виновато бормочет Ванька. – Пошёл бы прилёт...

– Пока не время, Ванюха. Сейчас пойду осматривать вместе с Алёшиным вчерашнего прооперированного. Резал не я, а наш новый хирург, и там, похоже, намечаются проблемы. А насчёт отдыха – дальше уж как получится. Скажи, а что это тебя на Толстого вдруг потянуло?

Братишка сначала задумывается, а потом усмехается:

– Захотел обратиться к первоисточнику теории непротivления злу насилием, и Ритка мне вчера привезла четвёртый том «Войны и мира». Мы ведь с Леной, когда она принесла подписать якобы моё заявление в полицию, в меру моих тогдашних возможностей слегка поспорили, – он делает паузу и продолжает: – Понимаешь, я воспринимаю нашу профессию как подвижничество. Умри, но помоги или вообще спаси... И при этом спасении вполне возможны разные... отрицательные проявления со стороны пациента. Но, будучи призваны спасать, мы обязаны во благо больного терпеть всё. Возможно, при таких ситуациях надо воспринимать возникающую агрессию как проявление детской неразумности, что ли...

– Угу... – хмыкаю я. – И в результате такой, как ты её назвал, детской неразумности у тебя сейчас реально сломано лицо и рёбра. Видите ли, это великовозрастное дитя было возмущено тем, что, в его понимании, хозяина жизни не обслужили так, как он считал правильным. Но ты вспомни примеры из нашей истории, когда даже монахи брались за оружие, чтобы отразить нападение захватчиков на их монастырь.

Ванька сосредоточенно рассматривает одеяло на своей кровати и молчит, но похоже, я его не убедил.

– То есть ты считаешь, «надо оказать сопротивление»? – цитируя Шекспира, он наконец поднимает на меня свои глазщи.

Снова братишка посмотрел так, как будто заглянул в самую душу. Бездонность его взгляда отмечаю не только я, но и все наши сотрудники.

– Когда-то я тебе говорил про закон распределения Гаусса. Его кривая действует в нашей жизни во всём. В нашем случае на минимумах с одной стороны – покорность, с другой – агрессия. А вокруг максимума каждый из нас ищет свою мировоззренческую точку, положение которой определяют жизненные реалии и моральные качества конкретного человека.

– Опять ты всё свёл к своей любимой математике, – ворчит Ванька.

– А скажешь, я не прав?

– Не знаю... Надо подумать. Только это всё равно не распространяется на твой гипноз и твои воспитательные воздействия в некоторых случаях.

– Почему же гипноз только «мой»? – я умышленно пытаюсь его столкнуть с неудобной темы. Лучше уж как-нибудь в другой раз обсудим. – Ты теперь и сам его практикуешь. Усыпляешь, например, пациента в случае необходимости. Так ведь?

– Сравнил тоже! – фыркает братишка. – Отлично же понимаешь, мы с тобой находимся на абсолютно разных уровнях. Ты ведь можешь буквально походя пригвоздить так, что ничего не подозревающий оппонент даже не поймёт, кто на него навёл порчу.

Не столкнул, однако...

– Таких воздействий «походя» я не осуществляю.

– Ну это я чтобы подчеркнуть разницу в уровнях.

– Короче, больной! Продолжайте читать Толстого и набирайтесь его мудрости, – с ухмылкой подвожу я итог дискуссии. – Кстати, у Льва Николаевича всё не так однозначно, как ты сейчас мне пытался задвинуть. В общем, пользуйся возможностью в относительном покое пораскинуть мозгами, а я пошёл свершать трудовые подвиги.

– Кстати, о трудовых подвигах. Саш, ты с моими пациентами разобрался? Я имею в виду записи назначений в карточках.

– Не волнуйся, разобрался...

– А послезавтра ты как без меня?

Беспокоится братишка... При постановке на место проваленного позвонка – а это процедура, трудоёмкость которой зависит от комплекции пациента, – он всегда старается ассистировать.

– Справлюсь. Отдыхай!

Сколько различных философских бесед было у нас с братишкой! Со стороны послушать, так мы являемся чуть ли не антиподами, но это совсем не так. Как и он, я умею в нужный момент отойти и простить, но, правда, в отличие от него, не всех и не всегда. В случае, о котором напрямую не говорилось, но тем не менее обсуждался именно он, я не могу занять позицию прощения. Как вспомню этого сынка, аж кулаки сжимаются! Таких – только наказывать! И наказывать жёстко.

* * *

Провел с Ванькой очередной сеанс и оставил его дальше читать «Войну и мир». Уже десять вечера, в больнице остались лишь те, кто сегодня дежурит. Иду по коридору к лестнице. Везде хорошо убрано. Воспитали мы всё-таки младший медицинский персонал! Почему-то в который раз вспоминаю состояние нашей больницы, когда я первый раз сюда приехал. Ужас был. Запустение, грязь везде... А сейчас, честно говоря, приятно работать в комфортабельных и очень неплохо оборудованных помещениях. Нашим пациентам нравятся чистые и уютные палаты с полагающимися в них удобствами. Не зря вся наша команда тут так трудилась столько лет.

Спускаюсь на первый этаж к себе в кабинет. Включаю кофеварку, потом открываю окно и закуриваю. Поскольку в этом кабинете я веду ещё и приём пациентов, то стараюсь не отравлять помещение табачным дымом, но иногда так хочется покурить здесь, не выходя в курилку на улицу! Такие нарушения позволяю себе редко, но сейчас... Да и глубокий вечер наступил.

Смотрю на улицу. Начало июня, и наступил так любимый мной период белых ночей. Сегодня погода ясная, почти светло, и лёгкая, чуть сиреневая дымка окутывает наш больничный парк, который стараниями Николая Сергеевича разбит вокруг всех корпусов. Прав он был тогда, уговаривая нас с Кириллом Сергеевичем непременно это сделать! Если наша капризная погода позволяет, пациенты с удовольствием проводят время на скамейках под хорошо подросшими липами. Зыбкость странного света белой ночи всегда приводит в некий романтический настрой. Именно в этот период так хочется остановить свой бег, тоже присесть где-нибудь на скамейку, глубоко вздохнуть и улететь куда-то мыслями. Все эти «где-нибудь» и «куда-то» являются как раз подтверждением того внутреннего состояния, которое приходит ко мне в такие минуты. Однако бег мой не остановить, по крайней мере пока.

Всё! Расслабление пора заканчивать. Докурив и загасив остаток сигареты в пепельнице, сажусь в кресло и принимаюсь за подготовку к работе, которую, кроме меня, вряд ли кто-то сможет сделать. На столе лежат сделанные днём снимки позвоночника двоих приехавших вчера к нам пациентов. Хочу их посмотреть в спокойной обстановке, чтобы определиться с методами лечения.

Впервые вынуждено озадачившись позвоночными проблемами почти десять лет назад, я, по сути, интуитивно пришёл к методу их решения. После нескольких удачных случаев применения моего метода появился опыт, а с ним и определённая известность. Теперь работа с позвоночниками является одной из нескольких ярко выраженных специализаций нашей больницы, и едут сюда к доктору Елизову люди, доверяющие моим рукам и энергетическим способностям.

Ладно, за дело! Потом надо будет проконтролировать, как справляется дежурная команда. Сегодня ночью по части травматологии и хирургии дежурит Юра Кушелев, сын Сергея Александровича. Этот парень как бы мой крестник по медицинской линии. Когда-то давно я его сам так назвал. С Ванькой у них и на работе, и в жизни последние семь, а может быть, восемь лет дружеский тандем, который мне очень нравится. Именно братишке Юра доверяет свои сердечные тайны, когда у него появляется очередная девушка. Для своих сокурсниц молодой Кушелев наверняка всегда являлся завидным женихом, поскольку его папа – весьма бога-

тый человек, владеющий целой сетью очень крупных магазинов. Только, видимо, и сформированные воспитанием правильные жизненные ценности, и врождённые качества помогают сыну разбираться в истинных целях очередной прилипающей к нему девицы. Сам же Сергей Александрович всегда демонстрирует подчёркнутую скромность запросов и аристократическую простоту в общении. Короче, если сравнивать его и Юру с этим самым Эдуардом Павловичем и его сыном, это сравнение будет однозначно не в пользу последних.

– Разрешите, Александр Николаевич?

Вот и он, лёгок на помине!

– Заходи. Надо чем-то помочь? – отрывая взгляд от снимка, на всякий случай спрашиваю я.

– Нет, пока всё спокойно. Просто Елена Михайловна строго наказала, чтобы я заставил вас в одиннадцать часов лечь спать, – несколько виновато признаётся он. – Она говорит, что на вас уже лица нет после всего...

Да... Шитова, как всегда бывает в тяжёлых ситуациях, взяла на себя ещё и функции нянюшки. Впрочем, мы к такому привыкли и за заботу нашей Старшей благодарны.

– Юра, спасибо, конечно, и тебе, и Елене Михайловне, но я хочу ещё поработать. Реально не успеваю многое сделать. Тем более завтра у меня плановая операция, поэтому заняться другими делами просто не успею.

– А кто вам будет ассистировать? Опять Новиков?

– Угу... – мычу я, разглядывая снимок и зная, какой вопрос будет следующим.

– Александр Николаевич, почему вы меня не берёте к себе ассистировать, а всегда ставите к Алексею Сергеевичу?

Не ошибся я в предположении. Ведь действительно всегда направляю Юру работать с Алёшиным, который им доволен и говорит, что парень очень старается.

– Я хочу, чтобы ты получил хорошую школу. У Алексея Сергеевича ты её обязательно получишь. Он – хирург, каких мало.

– Так у вас ведь тоже школа!

– У Алёшина школа классическая, а я... Как бы тебе сказать... В общем, глядя со стороны на мою работу, можно вполне предположить в ней некоторый авантюризм.

– А почему вы говорите про авантюризм?

– Юра, ты же знаешь про мои способности. Я вижу и чувствую так, как не могут увидеть и почувствовать другие, поэтому во время операции принимаю решения, которые обычным людям кажутся спорными и даже авантюрными. Короче, на моём примере учиться не следует!

– А Михал Михалыч говорит, вы умеете делать то, что другие не могут. Мол, ваш Елизов такое делает с лёгкостью...

Михаил Михайлович Шахлатый – заведующий кафедрой хирургии в Медицинской академии и мой учитель по этой части. Ему за науку я безмерно благодарен, а Юрой, так же как и в прошлом мной, он занимался лично, разглядев в нём хорошие способности. Мне льстит, что профессор часто зовёт меня на сложные операции, и я стараюсь в нашей совместной работе почерпнуть для себя ещё хоть что-то из его колоссального опыта. Всегда удивляюсь, как эти огромные руки способны совершать такие мелкие и точные движения. Иногда он приезжает поработать и к нам, при этом, всегда в шутку хмуря кустистые брови, угрожает кого-нибудь из наших хирургов обязательно забрать к себе в клинику.

– Михал Михалыч прав, но только в смысле именно моих способностей. Вот поэтому я и говорю: тебе лучше учиться у Алексея Сергеевича.

Юра вздыхает, хочет что-то сказать, но открывается дверь.

– Извините, Александр Николаевич, – появляется сестра из приёмного. – Юра, там «скорая» пришла...

– Иди работай! – с улыбкой машу я рукой.

– А вы спать ложитесь, а то я Елене Михайловне пожалуюсь, – в свою очередь командует он и тоже улыбается.

Про Кушелева-младшего могу сказать, что с удовольствием наблюдаю за его успехами и вижу, как парень растёт. На его лице всегда написан искренний интерес, он не расстается с книгой, мучает всех нас вопросами, а ухватившись за какую-то тему, не оставляет её, пока не прояснит для себя окончательно. Конечно, я со стороны потихоньку рулю Юриным воспитанием, поскольку вижу его увлечённость, и мне хочется воспитать в нём в первую очередь хорошего врача. Уверен, блестящее знание специальности не поможет исцелить больного, если не будет разумного сострадания к нему, а значит, соответствующего отношения. Собственно, в этом Юру особенно воспитывать и не надо. Он любит людей, и это ему помогает в работе. Иногда, исподволь наблюдая за ним, я с удовольствием замечаю в его поведении кое-что взятое от Ваньки. И хоть у них и разная специализация, медицинские проблемы они часто обсуждают вместе, отчаянно споря и тыкая друг друга носом в разные книги. Есть у них и другое дело. Эта дружная парочка обслуживает появившийся два года назад сайт нашей больницы, занимаясь им тоже увлечённо и творчески.

– Александр Николаевич, вы ещё спать не легли... – быстро входит Юра. – Простите...

– Что там? – и сразу встаю из-за стола, понимая, что он пришёл за помощью. А если это так, то, значит, случилось что-то серьёзное.

– Проникающее ранение. Я хотел посоветоваться...

– Пошли!

Вспоминаю, как сам в первый раз самостоятельно оперировал такую травму. Страшно было, но сработал принцип «глаза боятся, а руки делают». У Юры таких серьёзных случаев для возможности принятия самостоятельных решений в экстренной ситуации пока не было. Надо во время операции постоять рядом с ним просто на всякий случай.

...Мы в операционной. Наблюдаю за работой Юры, внутренне готовый, если понадобится, вмешаться и либо посоветовать, либо вообще сделать лично. Прекрасно понимая, что случайно могу «непрощено» подсказать даже мысленно – а делать этого мне совсем не хочется, – старательно блокирую такие порывы. Есть в биоэнергетике такие приёмы. Ничего, неплохо справляется. Сёстры тоже хорошо работают.

Больного увозят, а мы с Юрой снимаем хирургическое облачение и переодеваемся.

– Страшно было? – спрашиваю я.

– Так вы же рядом стояли! Только это было страшнее, но по-другому.

– Почему?

– Я очень боялся сделать ошибку, – со смущённой улыбкой признаётся он.

Сразу вспоминаю первые шаги Ваньки в практике энергетического лечения. Тоже стеснённо себя чувствовал в моём присутствии.

– Если хочешь, когда ты отдохнёшь, готов с тобой провести «разбор полётов».

– А я что-то сделал неправильно? – звучит обеспокоенно.

– Я этого не сказал. Более того, считаю, отработал ты хорошо, но ведь без огрехов не бывает! Вот я и хочу их с тобой обсудить.

Похоже, после моих слов у парня наступил «выдох облегчения».

Хоть я и сам ещё далеко не старый, мне очень интересно работать с начинающими. Возможно, не зря ректор Медицинской академии два года назад, едва я защитил кандидатскую, уговорил меня взять курс для преподавания.

* * *

Прошла неделя после события, происшедшего во время Ванькиного дежурства. За это время у батишки побывали практически все члены нашей дружной команды. Даже моя Даша с

мальчишками вчера приезжала с дачи! Сам он уже потихоньку, чуть придерживаясь за стенку, ходит по палате и ворчливо жалуется приходящим, что ему давно пора работать, а злобный старший брат запрещает. Вестей же от следствия нет. Там будто воды в рот набрали. Нас, как потерпевшую сторону, для бесед со следователем после его единственного визита почему-то не приглашают. Чувствую, там идёт какая-то возня.

Назначенный на сегодня ремонт позвоночника приезшему пациенту прошёл штатно и почти без проблем. Ноги у мужчины обрели чувствительность. План дальнейшей работы с ним ясен, только непонятно, кто его будет вместе со мной осуществлять. Пока Ванька болен, позиция моего ассистента в этих вопросах остаётся вакантной.

Захожу к нему в палату и застаю выходящим после посещения «удобств».

– Ну как ты?

– Голова пока немного кружится. Лучше скажи, как ты сегодня справился?

– У тебя были сомнения? – усмехаюсь я.

– Да не было сомнений, но всё равно интересно.

– Скажу честно: тебя мне не хватало, – и после неожиданного для самого себя вздоха, добавляю: – Как, впрочем, всегда. Ты же знаешь, я привык чувствовать тебя, твоё плечо и твою лохматую башку рядом постоянно, чем бы ни занимался.

– Устал? – сочувственно спрашивает Ванька.

Молча несколько раз киваю.

– Значит, доктору Серёгину пора вставать и идти работать, – звучит резкое заявление. – Я почти пришёл в себя и здесь уже навалился.

Скручиваю фигу и сую ему под нос.

– Видел? Он почти пришёл в себя... Встанешь, когда я тебе разрешу.

– Сашка, ну сколько у нас с тобой таких разговоров было! – укоризненно произносит братишка. – Сколько я тебе объяснял...

– Отвали, – отмахиваюсь я. – Твоё здоровье для меня всегда важнее всего. И вообще, я не только лечащий врач, но и твой старший брат, которому виднее.

– Повторю тебе то, что неоднократно говорил: я давно вырос и могу сам принимать решения. Плюс к тому я всё-таки тоже врач и способен оценить своё состояние, а на твою осунувшуюся рожу мне больно смотреть.

– Можно подумать, ты такое видишь в первый раз, – и грустно усмехаюсь.

– Сашка, ну я же серьёзно!

– Ванюха, я тоже серьёзно. Прорвёмся! Ещё пару дней ты должен полежать. Договорились? – сажусь на край кровати и, как когда-то давно, приглаживаю непокорные Ванькины вихры. – Небось опять скажешь, что ты давно не ребёнок.

– Не скажу... – и улыбается. – Я до сих пор очень люблю твои старания уложить мою причёску. Знаешь, я тут, пока лежал, вспоминал, сколько раз и как ты меня лечил. Вспоминал твою заботу, ласку... – сказав это, братишка вздыхает с какой-то грустной задумчивостью, и мне всё становится понятно.

– Тебе захотелось хоть на немножко вернуться в прошлое, – констатирую я, не прочитав его мысли, а просто трудно было не догадаться. – Только если мы начнём говорить на эту тему, то, как всегда, придём к тому, что снова изменились.

– Ты прав... Но все равно – так хочется! Вот я реально очень скучаю по всем своим, по семейству моему, но всё-таки я скучаю... и по прошлому. Помнишь, как после твоей страшной болезни мы целых полгода по два дня в неделю проводили в нашей однушке вдвоем и за книгами? А как спорили по проблемам биоэнергетики...

– До сих пор об этом вспоминаю с тоской... Потом опять всё как-то закрутилось и вернулось на круги своя. Жаль! Правда, я порой приезжаю туда для энергетических тренингов, да и не только для них. Иногда просто хочу в одиночестве послушать музыку.

– А может, возобновим совместные заезды? – Ванька делает паузу, смотрит с ожиданием, и потом продолжает: – Мне, как оказывается, это очень нужно, и тоже не только в смысле биоэнергетики. Общения с тобой не хватает! Споров наших... Твоей ругани за какие-то мои огрехи...

Я снова ловлю его бездонный взгляд и воспоминания, нахлынувшие при этом, заставляют сердце сжаться от осознания безвозвратной утраты очень важных минут, часов и даже дней. При этом начинает тревожить что-то, ещё не до конца мною осознанное, то, что станет ясным только где-то впереди. Обнимаю братишку за шею и прижимаю к себе.

– В твою лохматую башку такие умные мысли после мозготрясения пришли? – ехидно интересуюсь я ему на ухо.

– Наверно, – хмыкает он, пожимая плечами, и насмешливо добавляет: – Хотя – ты же сам говорил – откуда там мозгам завестись? И всё-таки, как смотришь на такой вариант?

– Положительно. Мне тоже всегда не хватает нашего общения. Но пока ты давай окончательно поправляйся, становись на ноги, а там уже и решим.

– Насчёт «окончательно поправляйся», Саш, ну давай я ещё денёк полежу, а потом потихоньку начну вставать и работать. Ну пожалуйста...

– Посмотрим на твоё завтрашнее состояние, – бурчу я. – У тебя ведь кости, не смотря на мои воздействия, срелись ещё не до конца.

– Но ведь это только рожа, а не ноги или руки...

– Повторяю: посмотрим!.. – и выхожу.

В своём кабинете открываю окно и... опять закуриваю. Да... Разбередил братишка, вспомнив нашу жизнь в той милой однокомнатной квартире. А поскольку я очень устал за эти несколько дней – не столько физически, сколько эмоционально, – мне вдруг захотелось туда приехать, посидеть и... набраться сил! Понимаю, что стремление набираться сил где-то в одиночку странно для человека, имеющего любящую семью и просторную уютную квартиру, в которой царит атмосфера заботы и взаимной теплоты. Казалось бы, зализывать полученные раны и готовиться к получению будущих надо среди родных людей, но с таким подходом у меня что-то не клеится, и, когда тяжело, тянет в наше с Ванькой прежнее жилище на одиннадцатом этаже.

Вообще это место на уровне подсознания всегда со мной. Мы разъехались по своим семьям почти столько же лет назад, сколько прожили там, и, казалось, надо бы привыкнуть к новым реалиям, но почему, переступая тот порог и оказываясь в знакомой прихожей, я будто облегчённо выдыхаю, как путник, вернувшийся под родной кров после долгого путешествия? Почему, порой проснувшись ночью, я через годы слышу знакомое клацанье замков той входной двери и шорохи в прихожей, как было тогда, когда братишка возвращался после работы или вечерней учёбы. Почему я часто вспоминаю те поистине счастливые минуты, когда мы, сидя на «своих» табуретках у стола на кухне, под чай или кофе могли часами что-то обсуждать, спорить... А чего стóбит воцарявшаяся тишина, когда каждый из нас устраивался с какой-нибудь книгой, и начинался священный процесс познания. Конечно, я могу и сейчас сесть с книгой там, где проживаю со своим семейством, и меня никто не будет трогать, поскольку все знают, что папа занимается. Во время таких занятий только наш кот Антошка приходит ко мне в кресло и устраивается рядом. Но, увы, это же совсем не то! Я... тоскую по тем состояниям! Там, на одиннадцатом этаже, веет чем-то очень надёжным, нерушимым, и когда я туда вхожу, ощущаю некое совершенно особое чувство, а покидая эту квартиру и переступая её порог, будто делаю над собой усилие и даже несколько раз оглядываюсь.

В прежнее обиталище я приезжаю нечасто. Это случается, лишь когда, ощутив в себе острую неудовлетворённость, раздражение или просто душевную тяжесть, хочется при помощи музыки немного привести себя в порядок перед тем, как предстать перед семьёй. Аудиоцентр и набор дисков, покидая эту квартиру, мы с Ванькой в ней оставили, как, впрочем, всю мебель

и технику. В конечном итоге это оказалось очень кстати. От Кирилла Сергеевича, которому в таких случаях для возвращения домой приходится пользоваться служебным «Фордом-Мондео», я не скрываю, куда и зачем еду. Убеждён, он всё понимает гораздо лучше, чем я себе это представляю, ведь за две недели до защиты кандидатской для моей нормальной подготовки к выступлению перед диссертационным советом сам, уговорив Дашу, отправил меня в эту милую однушку, обеспечив мне необходимый душевный покой. Приезжая туда и ещё в прихожей вдохнув такой родной прокуренный запах, а потом, сунув ноги в старые тапочки, отчётливо понимаю: я дома!

А насчёт восстановления сил, то, может, состоявшись в нашей старой квартире как человек и специалист, оказавшись в прежних интерьерах, я как бы связываюсь со своим прошлым и черпаю в нём силы? Тогда получается, за силами я еду... в прошлое!

Вот и Ванька сказал, что порой тоскует по прошлому. Ему свойственна точность даваемых характеристик. А что такое – тоска по прошлому? У этого состояния есть название – ностальгия. Ею и определяется притяжение места и времени. Думаю, это именно то самое слово, которое определяет и моё состояние.

* * *

Сегодня вызван к одному из зампредов Областного комитета по здравоохранению. Он попросил приехать, не назначая конкретного времени, но едва я появился в приёмной, секретарша тут же нырнула в кабинет и буквально через пять минут, сразу после выхода очередного посетителя, пригласила войти.

– Здравствуйте, Александр Николаевич! – радушно приветствует меня хозяин, встретив у дверей и пожимая руку. – Очень рад вас видеть!

– Здравствуйте, Пётр Дмитриевич. Как ваше самочувствие? Ничего не беспокоит?

– Спасибо, всё в порядке. После ремонта, который вы мне сделали, о своей болячке я практически не вспоминаю.

Этого высокопоставленного чиновника я знаю уже несколько лет – с тех пор, как ему пришлось побыть моим пациентом. Мы давно не встречались, ведь по делам служебным руководством больницы всегда контактирует с людьми уровнем ниже.

– Тогда чему я обязан таким приглашением?

Лукавлю, конечно! Знаю я, зачем он вызвал! Эдуард Павлович борется за своего сынка, не скупясь на средства давления, посулы и, наверно, на материальные стимулы.

Мы садимся в уютные кожаные кресла напротив друг друга у т-образно примыкающего к рабочему столу брифинга.

– Александр Николаевич, – укоризненно улыбается мой бывший пациент, – хоть я и не склонен до конца верить в те «чудеса», которые вам приписывают хорошо знающие вас люди, но думаю, вы сами знаете причину. Верно?

– Верно. Но и вы меня давно и хорошо знаете.

– Знаю... – он вздыхает. – Тяжело мне с вашей принципиальностью.

– А по-моему, с принципиальными людьми всегда проще. Зная их принципы, всегда можно точно предсказать поступки. Так ведь?

– Согласен. И всё-таки должен вам сообщить: мне звонили и даже сюда приезжали всё только с одной целью – повлиять на ваше решение, то есть настоять, чтобы вы забрали заявления в полицию. Ради этого ваши... противники готовы стать спонсорами чистоозёрской больницы. То есть из врагов они практически превратятся в друзей!

– Вы им объяснили, что я один из немногих непродоающихся и тех, на кого воздействовать не получается?

– Объяснял... – чиновник снова вздыхает, и становится всё ясно.

– Уверен, тот, кто с вами говорил, вспомнил старый анекдот про непродającychся женщин, которые стоят ну очень дорого. Это логика подсказывает. Так?

– Отдаю вам должное... Да поймите, неисправимый идеалист, отказавшись от своих теперешних претензий на справедливость, вы сможете сделать для своего коллектива гораздо больше, чем упорствуя сейчас. В жизни бывают случаи, когда, сделав шаг назад в одном месте, можно серьёзно продвинуться в другом. Согласившись на их предложения, вы же все как сыр в масле кататься будете!

– Что касается предложения этих людей стать нашими спонсорами, то я не хочу, чтобы потом всякие разные вроде сына этого Эдуарда Павловича по-хозяйски разгуливали по нашей больнице. А в таком случае так и будет! И вообще, на сегодняшний день многие финансовые проблемы нами решены. У нас есть совет благотворителей, людей, уважающих нас, наши корпоративные принципы и ценности, людей, которые стали нашими единомышленниками и всем нам настоящими друзьями. Поэтому передайте мою благодарность и... мотивированный отказ. Мы в любом случае будем бороться за справедливое наказание человеку, нанёсшему серьёзные травмы нашему сотруднику.

Повисает пауза, в течение которой мой оппонент, вероятно, ищет новые аргументы. Я даже не собираюсь копаться у него в мозгах, чтобы это выяснить, поскольку сейчас не тот случай, когда ощущаю возможную опасность.

– Александр Николаевич, я прекрасно понимаю ваши чувства, – вздохнув, наконец продолжает чиновник. – Иван Николаевич Серёгин – ваш брат, к которому, как мне рассказывали, вы относитесь очень трепетно...

– Иван Николаевич Серёгин в первую очередь врач моей больницы, – перебиваю я, чеканя каждое слово. – Во время нападения он был на дежурстве, то есть при исполнении своих обязанностей! Вы должны знать: я бы так же реагировал, случись такое с любым моим сотрудником. А то, что Иван мой брат, – это вторично. Поймите, я не хочу своими действиями плодить ощущение безнаказанности у тех, кто считает себя хозяевами жизни. В этом случае порок, оставшийся безнаказанным, будет продолжать разрушать личности уже других людей, которые, увидев эту безнаказанность, решат, что им можно поступать так же, и справедливости в нашем обществе мы никогда не добьёмся.

– Послушайте, все мы знаем, кто такой доктор Елизов. Гордимся, имея такого человека и специалиста. Знаем, что к вам практически со всего бывшего Союза едут...

– Не только, – с усмешкой прерываю я его. – Финны дорожку протоптали. Немцы тоже приезжают, причём общаются со мной по-английски. Пришлось серьёзно заняться совершенствованием языка, даже с точки зрения медицинских терминов.

– Вот видите! А ведь всё это может в один прекрасный день закончиться. Ваши противники угрожают: если Елизов не пойдёт с ними на сделку, устроят ему большие неприятности. Вы бросаете вызов системе. Она же вас сомнёт и уничтожит!

– Пётр Дмитриевич, прекратите! Ну заставят вас меня уволить, так я в другом месте смогу работать. Страна у нас большая!

– Речь идёт не о вашем увольнении...

– Тогда что может быть ещё? Каких-либо преступлений за мной нет... Или, думаете, захотят грохнуть? Так я через такое уже проходил, помните?

– Помню... Тогда вы счастливо отделались.

– Не только тогда. Вы, наверно, слышали, три года назад я вылечил у себя... практически неизлечимое заболевание. Да, было трудно, от многого пришлось отказаться, пройти через огромные лишения, но эту беду я у себя с по-настоящему Божьей помощью задавил. Я не боюсь трудностей! Уверен, Господь поможет мне так, как помогает всегда. И ещё... Вам никогда не приходила в голову мысль: каждый раз, когда кто-то из нас идёт на поводу у пороков, присущих

устоявшейся системе, дьявол от удовольствия, потирает руки? Конечно, сказав это, я сильно упрощаю религиозную философию, но основная мысль именно такова.

– Считаете себя божьим человеком, – тихо заключает зампред комитета, смотря на свои сложенные руки, а потом поднимает на меня глаза. – За вами не было никаких человеческих грехов?

– Были. И довольно много. Только однажды надо произвести переоценку своих жизненных ценностей, назвать всё своими именами, и дальше жизнь пойдёт иначе.

– Да поймите же вы, упрямец! Я не оговорился, сказав, что система вас сомнёт и уничтожит. Я старше вас и в жизни много чего насмотрелся.

– Пётр Дмитриевич, поверьте, я прекрасно понимаю, с какими мощными силами придётся столкнуться. Более того, предполагаю, война будет вестись всеми доступными им средствами, в том числе и грязными. Только я этого не боюсь. Выдюжу!

* * *

Пока еду обратно на работу в больницу обдумываю прошедшую встречу.

Как говорится, началось! Первый ход противниками сделан. Сегодня был разговор моего начальства со мной с демонстрацией при этом морковки в виде спонсорства. Неужели они думали прельстить меня таким вариантом? Однако с целью коллективно повлиять на мою позицию эта компания может начать обработку, и тоже с развешиванием каких-то морковок, коллег по больнице, да и не только их. Правда, не думаю, что люди, рядом с которыми я который год работаю бок-о-бок, пойдут на сделку с оппонентами. Я верю в своих сотрудников!

Однако чувствую, всё-таки надо созывать всю нашу команду, как бывало в трудные периоды. Такие совещания для выработки общей стратегии поведения были в своё время введены Кириллом Сергеевичем и им же проводились. Всегда удивляюсь, как этот человек в самых сложных ситуациях умеет всё расставить по своим местам и наметить единственно правильный путь выхода. Сейчас, в его отсутствие, это придётся делать мне.

Признаюсь, при всей моей самостоятельности отсутствие рядом доброго, но очень требовательного наставника в лице нашего главврача я в данный момент ощущаю. Чего греха таить, привык я к его мудрым советам! Сейчас придётся справляться самому. Тем более всю нашу команду на случай неожиданных звонков Кирилла Сергеевича из Булуна я предупредил о нежелательности его посвящения в здешние неприятности. Все мы должны беречь его нервы и сердце. Понимаю, что начавшаяся война будет затяжной и он, вернувшись после отпуска, всё равно узнает про события, случившиеся в его отсутствие, но, надеюсь, к тому времени в здешних проблемах наступит хоть какая-то ясность. Поэтому даже хорошо, что, приехав в ставший для него за тридцать лет родным Булун, профессор Золотов сразу погрузился в дела когда-то возглавляемой им больницы. Пришлось просить Николая Фёдоровича, нынешнего главного врача, работавшего прежде у Кирилла Сергеевича заместителем, постараться по возможности контролировать процесс, не допуская излишнего напряжения у нашего отпускника. Помню, он тогда, грустно усмехнувшись, спросил, как я себе это представляю. Пришлось развести руками.

И всё-таки надо обдумать, когда всем нам собраться... А прежде надо обсудить разговор, прошедший в Облздраве, с Ванькой.

После вечернего приёма захожу в палату к братишке.

– Сашка, ты не забыл, что с завтрашнего дня собрался меня выписывать на работу? – интересуется он, отрываясь от книги.

– Не забыл... Дай-ка я тебя ещё осмотрю.

– Чего меня смотреть! Там почти в порядке... – ворчит пациент, но всё же укладывается на спину, как для получения моей терапии.

Привычно ловлю ладонями ощущения. Конечно, гораздо лучше. Даже практически нормально. Да и на лице из следов побоев осталась только появившаяся вследствие перелома носа небольшая горбинка на переносице, хотя надо будет снова внимательно посмотреть, когда он сбреет свою отросшую за это время хоть и редкую, но щетину.

– Так я с завтрашнего дня приступаю? – несколько нетерпеливо спрашивает Ванька, садясь после завершения осмотра.

– Это только если побреешься, – насмешливо хмыкаю я. – Пугать своим обросшим видом наших пациентов я тебе не позволю. Бриться тебе уже можно, поэтому сбывай-ка ты свои три волосины в четыре ряда. Бритву можешь взять у меня.

– Если это является последним необходимым условием выхода на работу, то готов идти к тебе за бритвой хоть сейчас, – и он сбрасывает ноги с кровати.

– Не торопись. Утром я её тебе сам принесу.

– Вот завтра умоюсь, побреюсь и прямо из палаты в ординаторскую! – мечтательно выговаривает братишка, укладываясь снова. – Не представляешь, как соскучился! Общением, конечно, я здесь не обделён, а скучаю именно по работе.

– Хорошо, приступай на полдня с завтрашнего утра, но после обеда – отдых.

– А вечерний приём? – и видя выражение моего лица, начинает канючить: – Сашка, ну пожалуйста... Я же после обеда посплю и отдохну.

– Чёрт с тобой! Уговорил. Только потом – в палату! За руль тебе из-за сотрясения пока нельзя, а я всё-таки решил завтра съездить за город к своим, и, прости, доставлять тебя домой и забирать утром оттуда мне будет неудобно, – делаю паузу и продолжаю: – Ладно, с этим мы решили, а теперь давай кое-что обсудим...

Выслушав рассказ о разговоре с зампредом Облздрава, Ванька, как обычно, молча рассматривает одеяло на кровати. Не желая его торопить, я, тоже молча, жду реакции.

– Сашка, а ты не боишься, что из-за нашей войны на всю больницу посыплются какие-нибудь репрессии? – поднимает он на меня свои глазищи.

Смотря в них, пытаюсь определить, чего не было сказано. Нет, осуждения я не вижу, есть сильное беспокойство.

– Я бы очень хотел, чтобы начавшаяся война была только моей, но при этом прекрасно понимаю, средства её ведения будут грязными, а значит, зацепят и других.

Говоря это, вдруг совершенно неожиданно и без специального желания «подслушиваю» Ванькину мысль о необходимости забрать его заявление из полиции.

– Даже не думай!.. – я, впиваясь в него взглядом, хоть и не гипнотизирую, но тихо чуть ли не приказываю. – В любом случае там два заявления – от больницы по случаю хулиганства и от тебя как от пострадавшего. Своё забирать я не стану ни за что!

– Опять по мозгам лазал... – бурчит ставшую привычной фразу братишка.

– Извини. Поверь, получилось чисто случайно. Честное слово! В любом случае я прошу тебя этого не делать. Помнишь, я говорил о возможных будущих пострадавших из-за понимания противостоящими нам людьми своей безнаказанности?

– Да помню я тот разговор... – с некоторой досадой бормочет он, глядя куда-то вниз, и вдруг снова поднимает глаза. – А ты у будущего про всю нашу ситуацию спросить не хочешь? Чем эта война закончится для нас? Ну чтобы знать результаты наперёд...

Вздыхаю. Который уж раз Ванька призывает меня воспользоваться моим даром!

– Я же тебе говорил, такие вещи на сегодняшний день у меня не всегда получаются по заказу. Возможно, в этом процессе есть какие-то уровни, зависящие от степени доступности. Только, хоть я и научился делать процесс более-менее управляемым, «пускают» меня на эти уровни пока не всегда, когда мне этого хочется. И ещё... Согласись, ведь предсказание будущего или заглядывание в прошлое по сути является движением сознания во времени, – делаю паузу и вижу так хорошо знакомый цепкий взгляд. – Ведь в таких проявлениях всё совсем не

однозначно. Вот смотри: я вижу грозящую человеку смертельную опасность при посещении какого-то места, предупреждаю его об этом, и он туда не идёт. Что-то должно было случиться, но не случилось! Предвидение привело к прямому влиянию на будущее, но я уверен, изменение будущего там, – показываю взглядом наверх, – совсем не приветствуется, ведь в таком случае наступает уже совсем другое будущее, без предначертанного наверху события!

– А может, твои «вспышки» предвидения являются предупреждением сверху в тех случаях, когда с руководящей точки зрения что-то пошло не так и предстоящее событие вовсе не предначертано? – как обычно, поймав мою мысль на лету, Ванька задаёт, по сути, концептуальный вопрос. Этот же вопрос, раздумывая на такие темы, часто себе задаю и я. – А в случае, когда пытаешься что-то выяснить сам, тебя могут, как ты выразился, «не пустить». Как тебе такой подход?

– Думал я об этом... Возможно, в таком предположении ты прав. Ну а насчёт ситуаций, находящихся в развитии, – любое предсказание будущего учитывает сегодняшнее положение вещей. Меняя его, мы меняем будущее. Я уверен, Господь, воспитывая каждого из нас, детей своих, ждёт, что перед совершением какого-то поступка мы обдумаем его последствия, ведь, приняв правильное решение в какой-то ситуации, человек должен становиться лучше. Поэтому события, вытекающие из логики имеющихся обстоятельств, мы должны уметь просчитывать сами.

– Банальное логическое построение ты, естественно, закончил банальностью, – ехидно усмехается братишка. – Давно известно: поступками в настоящем мы формируем своё будущее и просчитать его вполне возможно. Ну и что тебе сейчас говорит эта логика нынешних обстоятельств?

– Всех обстоятельств я ещё не знаю, поэтому хочу поговорить с нашей командой. А там будет видно. Хочу понять, все ли мы думаем одинаково.

– Ну так давай прямо завтра и встречаться!

* * *

Наконец-то после недельного отсутствия я могу приехать домой!

Заезжаю на территорию нашего дачного участка и едва выхожу из машины, как сразу меня встречают мои мальчишки. Младший, Ванюшка, подскочив, тут же начинает карабкаться по папе, как по дереву. Старший, Серёжка, довольно шустро подходит на сделанных для него из двух реек невысоких ходулях и снисходительно смотрит на упражнения младшего брата. Когда-то и он проделывал со мной такое, но сейчас считает, что эта забава для него уже в прошлом. Своих детей мы стараемся не слишком баловать всякими современными электронными штучками. Эти вещи они узнают позже, а пока хочется, чтобы у них развивались воображение и находчивость.

– Саша! Ну слава богу, наконец-то ты приехал и сможешь здесь выспаться! – Даша появляется на крыльце нашего домика. – Как дела у Вани?

Её вопрос звучит с такой заботой! Очередной раз становится приятно проявление интереса к братишке и заботы о нём.

– Думаю, с завтрашнего дня будет работать. Он просто извёл меня просьбами и жалобами на скуку! Сейчас я тебе всё расскажу.

Вынимаю из машины мешок с продуктами из «Пятёрочки», куда заезжал по дороге, и иду к дому.

– Переодевайся, и сразу будем ужинать, – командует жена. – Не хочу снова подогреть. Расскажешь всё потом.

Когда садимся ужинать, обращаю внимание: впервые за несколько лет за столом не хватает одного человека. На стуле Кирилла Сергеевича вместо хозяина восседает Антошка и водит

по всем нам взглядом своих жёлтых глаз. Правда, всё равно получается неполный комплект, а вернее – неполная наша дружная семья. Такого при мне ещё не было. Сам-то я иногда отсутствую, будучи то на дежурстве, то в командировке, а вот чтобы кто-то ещё – это впервые.

После ужина и укладывания детей спать подробно рассказываю Даше про все новости – хорошие и плохие. Честно говоря, пока ехал домой, я всё время думал, что ей сказать, а о чём умолчать. Не знаю, правильно ли делаю, но учитывая, как жена за меня переживает, всегда стараюсь ограждать её от лишнего негатива. Работая в нашей больнице экономистом-надомником, периодически туда приезжая за документами и, конечно, общаясь там со многими людьми, она в любом случае будет знать всё, но уже от них, а до этого лучше не доводить. Во-первых, при этом события будут описаны не обязательно точно, а во-вторых, потом последуют Дашина обида и традиционные слова: «Заговор мужиков!» Только сейчас – случай особый, и поэтому я всё-таки решил посвятить жену в грядущие опасности начавшейся войны.

Выслушав весь рассказ, она сначала сидит молча, а потом, вздохнув, произносит:

– Да, Елизов, у тебя вечно – не понос, так золотуха. Ты понимаешь, что люди, с которыми ты начал войну, не остановятся ни перед чем?

– Поверь, я это отлично понимаю. Неужели надо было простить этому молодому козлу Ванькино изуродованное лицо? Ведь это значило бы пожертвовать им ради личного спокойствия!

– Упаси бог! Не собиралась я этого говорить. Просто я думаю, что размер угрозы даже ты до конца представить не можешь. Они ведь способны любого человека просто растоптать и пойти дальше, не обернувшись!

– Способны! Только не любого человека. Со мной у них такого не получится.

– Ох, Сашка, женское чутьё подсказывает: если они умные люди – а я в этом уверена, ведь дураки так высоко по общественной лестнице не забираются, – при ведении начавшейся войны твои способности ими будут учтены. Думаю, удары станут наноситься не прямо по тебе, а по твоим близким – друзьям и даже родным.

Всегда уважал в Даше способность глубоко анализировать происходящие события. Умница моя жена!

– Об этом я тоже думал и отдаю себе отчёт в том, что должен сделать всё, чтобы... разные вонючие брызги происходящего до всех вас не долетели.

– Хотелось бы, конечно, но ты же знаешь – если с тобой что-то... начнётся, в любом случае по мне, по человеку, который тебя любит, несмотря на все сложности твоего характера и особенности, связанные с твоим даром, это ударит, и ударит сильно.

– То есть ты – жена, которая, видя, что мужа бьют, хватает кочергу или ухват и бежит ему на помощь? – улыбаюсь я.

– Да, я такая! Считаю, тебе со мной повезло.

– Я это знаю, ведь меня такого, какой есть, нормальной женщине трудно было бы терпеть рядом, – и притянув Дашу к себе, целую её долгим нежным поцелуем.

* * *

В кабинете Кирилла Сергеевича собралась практически вся наша команда, находиться и работать в которой мне очень приятно. Здесь и Светлана Сергеевна с Шитовой, и Павел с Леной, и Ванька с хирургом Алексеем Сергеевичем Алёшиным. Приехал Кушелев. Даже Николай Сергеевич урвал время от своего напряжённого графика!

После моего рассказа о визите в Облздрав и сделанных нам через зампреда предложениях собравшиеся некоторое время молчат, видимо, переваривая поступившую информацию.

– Вот с-суки! – старшая медсестра, наконец нарушая тишину, смачно даёт вполне ожидаемую характеристику нашим оппонентам.

– Лена... – едва заметно и, как всегда, очень тонко улыбнувшись, Светлана Сергеевна, укоризненно качает головой. – Мы тоже так думаем, но не вслух же!

– А что? Вы все знаете, я могла бы сказать и другими словами, – с неким озорством встряхивает своей пышной причёской Елена Михайловна, – но в присутствии особо уважаемых людей не могу такого себе позволить. Вы правильно сделали, послав их, Александр Николаевич. Пусть этот отморозок отвечает по суду!

– Думаю, бояться они, Александр Николаевич, – задумчиво произносит Зорин. – Боятся и потому пытаются купить. В Интернете ведь про вас многое написано, а значит, наверняка ознакомились, с кем имеют дело. Поэтому и боятся...

– Ну читал-то, скорее всего, только Бураков, который приезжал сюда за «сыном» и стал свидетелем того, как я гипнозом выгнал его охрану, – усмехаюсь я. – Сделал выводы, прочёл информацию и побежал докладывать шефу. Вряд ли сам этот Эдуард Павлович озадачивался. Не царское дело...

– Саша, а в Интернете про все твои возможности прописано? – вдруг с некоторым напряжением интересуется Сергей Александрович. – Честно говоря, я совсем не в курсе. Ваня, вы ведь вместе с Юркой сайтом больницы командуете, скажи, что там про доктора Елизова можно прочесть?

– Мы там писали только про сугубо медицинскую практику. О разных его «чудесах», – при этом братишка бросает в мою сторону ироничный взгляд, – там не сказано. Вы имеете в виду, это могло бы стать для наших оппонентов сюрпризом?

Ай да Ванька! Опять схватывает на лету!

– Именно! – с удовлетворением подтверждает Кушелев.

– Надо учитывать: на форумах в сети кое-что из такого обсуждается, – вступает Лена. – Если они всерьёз занялись сбором информации, то обратят внимание.

– Не думаю, что они пошли дальше изучения чисто лечебной практики Александра Николаевича. Глубокие раскопки не для таких людей, – жёстко заявляет глава района. – Согласен, Сергей?

– Полностью, – кивает Сергей Александрович.

Сижу, слушаю обсуждение. С одной стороны, вроде всё нормально, а с другой...

– Простите, коллеги, – наконец прерываю я процесс, – полагаю, следует поднять ещё одну важную тему. Не надо иметь моих способностей, чтобы предвидеть атаку, которая теперь будет вестись и против всех вас. Не знаю, каким образом, но обязательно начнутся уговоры повлиять на мою позицию в обсуждаемом вопросе. Сотрудников больницы станут прельщать всякими призрачными «морковками». Брата тоже станут чем-нибудь умасливать. А уж наши уважаемые благотворители вообще находятся в зоне риска. Их персональный состав вывешен на сайте, и уверен: каждого начнут чем-нибудь либо прельщать, либо запугивать. Поверьте, это будет!

Наступает молчание.

– Не хотел говорить, но мне уже звонили, – тихо сообщает Сергей Александрович. – Предлагали встретиться. Я сказал, что не стбит, поскольку своих друзей не сдаю.

– Во мне тоже не сомневайтесь, Александр Николаевич, – и я ловлю спокойный взгляд Зорина. – Не так я жизнью воспитан. Биться будем вместе.

Прозвучавший намёк ясен. Среди присутствующих только я знаю о его прошлом.

– Саша, ты в нас не сомневайся, – вступает прежде молчавший Павел. – Мы ведь, пока ты Ваней занимался, всё обсудили. Чего наша команда будет стоять, если пойдёт на попятную?

– Вот именно! – будто про себя бормочет Алёшин. – Нельзя терять лицо. Суд должен быть обязательно!

– Боюсь, отмажут они его, – вздыхает Кушелев.

– Я готова поговорить с медсёстрами, которые видели это безобразие, – заявляет Шитова. – Свидетелей ведь тоже небось захотят обработать. Нельзя, чтобы кто-то из них высказал хотя бы сомнение.

– Готова присоединиться, – поддерживает Светлана Сергеевна. – Давай говорить с ними вместе.

Да... Это действительно мои соратники!

– Ну вот... – удовлетворённо выдыхаю я. – Честно говоря, мне теперь спокойнее, – и поворачиваюсь к Ваньке. – А ты ещё хотел своё заявление забирать!

– Этого делать ни в коем случае нельзя! – жёстко произносит Алёшин.

– Вот-вот... – одобрительно бурчит Зорин и иронично добавляет: – Вы, Алексей Сергеевич, сами Ваню воспитайте. А то, видно, брат от усталости последних дней утратил на него влияние.

– Да уговорили уже, уговорили... – со смущённым видом ворчит братишка. – Я же хотел как лучше. Думал ради общего дела пожертвовать своей рожей.

– И по поводу возможных жертв. Всё-таки, Александр Николаевич, вы подумайте над моим предложением о дополнительной охране, – как бы подводит итог глава района. – Всякое может быть...

* * *

Немного отдохнул после очередной плановой операции и теперь, сидя у себя в кабинете, занимаюсь анализом свежих рентгеновских снимков моих пациентов. А учитывая, что сегодня у меня по графику суточное дежурство, надо ещё успеть хоть часок поспать. С выходом Ваньки на работу мне, конечно, стало легче, поскольку своих пациентов он принимает сам. Братишка снова сел за руль и живёт теперь дома. Вроде всё как-то налаживается... Только вот следствие по делу «сынка» больше не проявляет интереса к нашей стороне. После первого приезда в больницу следователь по-прежнему никого от нас к себе не вызывал, очевидно, считая для себя всё ясным. Наверняка противоположная сторона ведёт там обработку! Надо будет поговорить с Леной о дальнейших шагах.

Раздаётся стук в дверь.

– Войдите! – и поднимаю взгляд на входящего.

– Добрый день, Александр Николаевич!

Прибыл знакомый мне посланец папаши виновника всех наших трудностей.

– Здравствуйтесь, – и сначала не могу удержаться от иронического вопроса: – Вас послали с какими-то новыми предложениями? А то в Облздраве я намеренно кое-что слышал, – и уже потом киваю на кушетку. – Садитесь. Я слушаю.

Обмениваться с ним рукопожатием совсем не хочется, а о причине визита просто трудно не догадаться. Похоже, они ещё продолжают надеяться.

Бураков садится и смотрит на меня, видимо, что-то обдумывая. Странно... Из опыта нашего предыдущего общения он должен был догадаться, что тёплого приёма не будет, а значит, заранее выстроить линию поведения. Неужели крепко въевшееся в сознание представление о мнимом превосходстве всё-таки взяло верх над трезвым расчётом?

– Ну излагайте, с чем вас послали! – тороплю я, считая паузу затянувшейся и явно обозначающей его неравное относительно себя и папаши этого Вовика положение.

– Я собрал о вас информацию, – с определённым торжеством начинает он и с неприятной усмешкой добавляет: – С вами, оказывается, надо дружить.

– Друзей себе я выбираю сам, – роняю сухо и призываю: – Поэтому давайте лучше по делу. Что вы должны передать?

– Эдуард Палыч приглашает вас сегодня вечером к себе... в гости. Он попросил и Володю присутствовать при этой встрече, поэтому мы с вами по дороге за ним заедем.

О как! Хочет говорить со мной на своей территории и в присутствии сына. Моё мнение, конечно же, никого не интересует. Ещё бы – какой-то врачешка... Да и приглашение в гости наверняка прозвучало в форме: «Привези-ка вечером этого...»

– Во-первых, сегодня я здесь на суточном дежурстве, поэтому занят до утра, а во-вторых, такой визит мне неинтересен. Люди, которые хотят со мной говорить, приезжают сюда сами и в назначенное время, причём договариваясь лично, а не через... посредников.

А так хотелось сказать «холуёв»!

– Вы понимаете, что сейчас говорите?

– Уже который раз, сомневаясь в моей адекватности, вы меня изрядно веселите. Прекрасно понимаю! Цель сделанного приглашения ясна. Обращения в полицию мы забирать не станем, поскольку с их помощью хотим добиться справедливости.

– Суд не встанет на вашу сторону. Соответствующие документы уже готовятся, – с ухмылкой сообщает Бураков.

– То есть, для того чтобы отмазать сынка своего шефа, ваша компания будет называть черное белым? Или у вас другие представления об этих цветах?

– В мою задачу не входит вести с вами философский спор, – отрубает оппонент. – Я не случайно начал разговор со слов «с вами надо дружить» и сюда приехал, чтобы, пригласив к Эдуарду Палычу, склонить к миру. Понимая, что вы за человек и какие у вас существуют контакты в результате вашей уникальной практики, наша сторона тем не менее уверена в тщетности ваших надежд на эти связи.

Гм... Связи... Похоже, мы вкладываем в это слово разный смысл, и этот смысл зависит, как, впрочем, и многое другое, от испорченности каждого из нас. Нормальные люди под словом «связи» понимают связи дружеские, родственные, а многие другие вкладывают в это слово совсем иное значение. Не помню, где слышал такие слова: «Человек – это его связи». То есть, по мнению этой части населения, сам по себе человек ценности не представляет, а имеют значение только знакомства. Визитёр, сидящий сейчас напротив, видимо, из такой категории.

Забавно... Получается, первое, что пришло Буракову в голову, – это мои возможные связи, возникшие как следствие успешной врачебной практики. Холуйская психология! Но коль скоро, по их мнению, связи мне не помогут, значит, незваный гость искренне считает свой круг самым весомым. Возможно... А чего стоит заявление: они понимают, что я за человек... Даже смешно. Мне бы самому это понять. От последней мысли не могу удержать усмешки.

– Главное, чего вы не поняли и скорее всего не сможете понять, – это то, что я никогда – вы слышите? – никогда не пользовался, как вы выразились, своими связями. Я стараюсь всегда всё делать только самостоятельно, – на какое-то время задумываюсь, оценивая, как будет воспринят смысл сказанного. Поймут правильно – хорошо, в противном случае им же хуже. И улыбнувшись, продолжаю: – Предполагаю, ваши оценки ошибочны...

– Не понимаю, – раздражённо звучит перебивающая меня реплика. – Вам сделано приглашение самим Эдуардом Палычем. Единицы, кого он так выделяет, а вы...

– Я этого приглашения не принимаю, – спокойно и жёстко теперь перебиваю сам. – Я очень занятой человек. У меня огромная нагрузка, а с учётом возникшей необходимости лечения нашего врача, искалеченного вашим «мальчиком», она ещё более возросла. Вряд ли вы это поймёте, но, чтобы проводить с ним все необходимые для его выздоровления процедуры по несколько раз за сутки, я больше недели жил здесь, в больнице, а спал вот на этой кушетке. Сегодня для суточного дежурства снова остаюсь ночевать, а значит, опять не попаду к семье.

Бураков молчит и смотрит на меня.

– А как сейчас себя чувствует Иван Николаевич?

Надо же! Он даже запомнил имя и отчество пострадавшего. Наблюдается кое-какая эволюция. Или...

– После моих трудов уже вышел на работу, – и сразу прочитав в его мозгах возникшую мысль, добавляю: – Но я не позволю ему забрать его заявление в полицию. В любом случае всем вам придётся иметь дело со мной.

– Чего вы хотите?

– Справедливости. Если сын вашего Эдуарда Павловича с человеческой точки зрения повёл себя по-скотски, то его действия с точки зрения закона должен оценить суд.

– Эдуард Палыч этого не допустит. Мы же не позволили суду дать Володе домашний арест и решили вопрос с помощью залога! – и это звучит с торжеством.

И в это время наступает тот самый случай, когда предвидение просто врезается в сознание. Я точно знаю: получив от суда «подарок» в виде упомянутой меры пресечения, этот самый Вовик приедет сюда ко мне для разборок. Неожиданно будто вижу вваливающуюся в приёмный покой группу парней с этим сынком во главе. Спасибо моему дару! В наступившей паузе мысли носятся в голове... Пусть приезжает! Если он действительно сам захочет меня увидеть тут, в больнице, даже не знаю, насколько благополучно это свидание для него закончится. Остыв после бешенства первого дня, я не стану что-то делать сгоряча, но вряд ли такой вариант обойдётся виновнику легче. Сейчас – только расчёт. Расчёт каждого шага!

– Предположу, что в конце концов всем вам это выйдет боком. Но это уже будут ваши трудности, поскольку, говоря вашим же языком, за все действия в этой жизни надо платить, – и решаю закончить беседу. – Виктор Константинович, думаю, всё сказано, и поэтому давайте не будем друг у друга отнимать время. Всех благ!

Бураков уходит. Жаль, сейчас нет времени обдумать столь неожиданно поступившую информацию и постараться понять, когда произойдёт набег. На часах почти пять, у кабинета сидят люди, и пора начинать приём.

* * *

После окончания своих параллельных вечерних приёмов сидим с братишкой в моём кабинете с чашками кофе. Я уже поведал ему о посетившем меня предвидении о грядущем посещении нашего учреждения высокопоставленным сынком со товарищи. Ещё вспомнил про обещание этого юноши меня размазать. Ванька молча рассматривает угол.

– То есть этот набег будет точно... – тихо бормочет он.

– Конечно! Или ты стал сомневаться в моих способностях? – и ехидно усмехаюсь: – Более того, уверен, это случится сегодня. Тут даже обычная логика подсказывает.

– Нет, я не сомневаюсь, что это событие произойдёт, и потому признаю полную правоту всего, сказанного тобой прежде, – со вздохом заявляет братишка. – Даже боюсь сегодня оставлять тебя одного на дежурстве.

– Ну уж на фиг! Сейчас же поедешь домой. Мне хватило недельной возни с твоей разбитой мордой.

– Сашка, я за тебя боюсь. Звони в полицию и вызывай их сюда.

– А вот этого как раз я делать не стану. Справлюсь я с ними. Пожалеют...

– Становится не по себе от твоих слов, – ежится Ванька. Давно заметил у него такую манеру. – Сашка, – и вдруг тяжело вздыхает, – я знаю, что должен тебе что-то сказать, но не знаю – что... Впрочем, я тебе много раз говорил о своих опасениях относительно твоих воздействий.

– Ванюха, сначала это будет чистая самооборона, – я усмехаюсь. – А потом и полицию вызову, чтобы зафиксировали нападение этого сынка на государственное медицинское учре-

ждение. Составим протокол, подпишемся... Надеюсь, это ускорит подозрительно затягивающееся рассмотрение вопроса. Этот же клоун сам в руки идёт!

– Идёт... – снова вздыхает братишка. – Я это понимаю, но ты его не сильно... Ладно? И Николаю Сергеевичу позвони. Он же говорил про дополнительную охрану.

– Я собирался, только сначала хотел грядущее нападение обсудить с тобой.

– Обсудили уже. Звони!

Нахожу в мобильнике нужный номер.

– Здравствуйте, Александр Николаевич! У вас что-то случилось? – с некоторой поспешностью сквозь шум явно какого-то застолья сразу интересуется глава района. – Извините, просто я сейчас в гостях на юбилее.

– Простите, ради бога. Пока не случилось, но обязательно случится. Я это видел! Ну вы понимаете...

– Так... Тогда я выйду в другую комнату, и мы продолжим. Я слишком хорошо знаю, что значит ваше «я видел», поэтому говорить будем спокойно.

Ох, как это прозвучало! Слышны какие-то приглушённые голоса, потом звук закрывающейся двери...

– А теперь рассказывайте всё подробненько, – следует наконец команда.

Начинаю с визита Буракова, потом говорю про своё предвидение, посетившее меня в ходе того разговора, сообщаю о своём сегодняшнем дежурстве, объясняю, почему не вызвал полицию, и заканчиваю словами:

– Человек я не робкого десятка, постоять за себя могу и морально к этому готов. Главное – из берегов не выйти.

– Понятно. Насчёт полиции правильно. Пока ничего не случилось, их вызывать бесполезно, – тихо замечает Николай Сергеевич и замолкает, явно задумываясь. Наконец следует продолжение с оттенком иронии: – Хоть, как мы однажды на заре наших отношений выяснили, вы по жизни волк-одиночка, но, надеюсь, не станете спорить: в данный момент защита вам всё-таки нужна. Короче, прямо сейчас для усиления вашей охраны я пришлю троих своих парней. Они будут у вас постоянно.

– Зачем троих-то?

– Мне виднее, – звучит насмешливое замечание. – Значит, если случится что-то вами предсказанное, звоните сразу, если нет – предлагаю созвониться около двенадцати ещё раз, а пока ждите дополнительных людей. До связи!

Трубка даёт отбой, и я не успеваю поблагодарить.

Я всегда знал, что Николай Сергеевич умеет принимать быстрые и разумные решения, а сейчас за эту быстроту проникся к нему искренней благодарностью. Охрану нашей больницы осуществляет одно из ранее принадлежавших ему специализированных предприятий, и дополнительных людей он скорее всего пришлёт оттуда же. Это радует, ведь там работают надёжные парни. Вот только как он сумеет их организовать, когда почти восемь вечера?

– Ну что? – нетерпеливо спрашивает Ванька.

– Можешь спокойно ехать домой. Сейчас сюда придут дополнительные три человека.

– Ой, Сашка, всё равно я беспокоюсь, – бормочет он, какое-то время сидит, уставившись в одну точку, а потом достаёт телефон. – Рит... Привет! Извини, я сегодня буду ночевать в больнице. Сашка дежурит, а тут... могут быть проблемы. Угу... Я потом ещё позвоню, – и поднимает на меня глаза. – Всё понял? Мы будем здесь вместе!

Да... Это мой братишка! Встаю из-за стола, сажусь рядом с ним на кушетку и прижимаю за плечо к себе.

– Спасибо. Только очень тебя прошу, ни во что не ввязывайся.

– Это уж как получится... – бурчит он, рассеянно глядя в окно.

* * *

Сидим с Ванькой на пищеблоке и поедаем ужин, как всегда, оставленный там для дежурящей бригады. Вдруг что-то заставляет меня напрячься. Такие ощущения бывают, только когда возникает какая-то угроза. Я их почувствовал!

– Ты что? – братишка внимательно смотрит на меня.

– Погоди... – и сосредотачиваюсь.

Точно! Эта компания уже в приёмном покое, но сколько их – понять не получается. А дополнительная охрана ещё не подошла! Да и нашу за разговорами я не предупредил...

– Так, Ванюха... Нападение состоялось, – объявляю ему и встаю. – Ты доедай, а я пошёл разбираться.

– Я с тобой!

При этих словах бросаю на него взгляд, который со стороны можно, наверно, счесть странным. Просто снова пахнуло чем-то родным и очень тёплым из нашего общего прошлого.

– Хорошо! Только, повторяю, не вмешивайся!

На подходе к месту будущего происшествия слышу голоса.

– Пацаны, держите этих! А вы, тёлки, пошли отсюда вон! Не до вас. Ну, где там ваш Елизов?

Понимаю, всё это сказано главным действующим лицом, то есть сынком. А тёлками он обозвал наших медсестёр... Скотина!

Мы с Ванькой ускоряемся и входим в приёмный покой. Что ж, очередная мерзкая картина. Четверо парней попарно захватом держат двоих наших охранников. Сам главный персонаж по-хозяйски прохаживается и поглядывает вокруг.

– Кто тут спрашивал доктора Елизова? – интересуюсь невинным тоном.

– Ах вот ты... – с самодовольной улыбкой восклицает Вовик, делает ко мне шаг и я чувствую сильный запах выпитого спиртного. – Сейчас я тебя, козла, буду размазывать! Что с тобой сделать? Ну скажи!

Он смотрит в мои глаза, не отрываясь, чем серьёзно упрощает задачу воздействовать на него гипнозом. Как часто это бывало вот с... такими.

– Скажу... – и резко со щелчком пальцев чётко приказываю, как приказывают собаке: – Лежать!

Детина сразу же неуклюже плюхается на пол, пытается встать, но тело, ставшее вдруг ватным, не позволяет ему этого сделать.

– Вот так-то будет лучше, – усмехаюсь я и, понаблюдав за его потугами, которые приводят лишь к ползанию, советую: – Не мучайся, мальчик. Подняться ты не сможешь, пока я тебе этого не позволю, – потом оборачиваюсь к братишке. – Ну вот, а ты боялся, что дяденька волшебник выйдет из берегов.

Сопровождающая публика обалдело смотрит на всю сцену.

– Отпустите охрану! – приказываю я без всяких воздействий и добавляю: – Прошу пока по-хорошему.

Отпускают и с опаской смотрят на меня. Двое мне известны. Это те самые, которых я видел в прошлый раз.

– Вижу старых знакомых! – радостно обозначаю, что их узнал. – Ай-ай-ай, а ведь я вас предупреждал, чтобы вы тут не появлялись.

Парни разворачиваются и шустро направляются к двери.

– Я вас не отпускал! – рявкаю максимально хлёткой фразой. – Ну-ка все четверо сядьте вон там, подальше, на стулья. Лучше добром садитесь. Не дожидайтесь, чтобы я вас к ним

приклеил, как сейчас этого вашего... клоуна к полу, – и видя, что они до сих пор не пришли в себя от шока, прикрикиваю: – Я жду! А то могу рассердиться и снова щелкнуть пальцами.

Понуро идут и садятся куда приказано.

– Да я тебя... – раздаётся снизу сквозь звуки шевеления и натужное сопение.

– Тебе я слова не давал. Рот откроешь, когда я разрешу, а что ты мечтаешь со мной сделать, расскажешь потом кому-нибудь другому. Не заставляй меня на ближайшие полчаса сделать тебя ещё и немым. Смотри, доиграешься! И вообще... – приседаю на корточки у его лица. – Как там тебя зовут? Вовик, что ли? Так вот, Вовик, считай, ты пока легко отделался – без особого позора. Дяденька волшебник ведь может приказать хозяину жизни сделать что-нибудь... весьма забавное, а твои друзья с удовольствием снимут эти упражнения на свои телефоны и потом выложат в Интернет. И всем будет очень весело, правда, кроме тебя. Поэтому лежи спокойно, пускай пузыри и жди полицию.

Не прочесть творящееся сейчас в мозгах у распростёртого на полу недоросля просто невозможно. Там такая очаровательная бессильная злоба! Достается всем. Ну мне – это естественно, но ещё он поминает и папашу, и Буракова! Тот его, оказывается, предупреждал, чтобы не связывался. Запомнил, значит! Смешно...

В это время дверь открывается, и в приёмный покой входят трое присланных Зориным парней. Прибыли к шапочному разбору... В общем, всё идёт, как и предполагалось.

– Александр Николаевич, вы уже сами?.. – с порога удивляется один из пришедших.

– С Божьей помощью... – вздыхаю я и показываю на сидящую четвёрку. – Приглядите вон за теми, – потом смотрю на наших штатных охранников. – Вам какая-то медицинская помощь требуется?

– Пустяки... Одни царапины, – бурчит один из них и смущённо добавляет: – Не ожидали... Не успели среагировать!

Ладно, о необходимости постоянной «боевой» готовности говорить с ними я буду после.

– Света! – зову дежурную медсестру. – Обработай ребятам раны, пожалуйста.

– Пойдёмте! – и она их уводит.

– Ну вот... – поворачиваюсь я к братишке. – Теперь мы наконец вызовем полицию.

– Лену не хочешь позвать? Ну чтобы правильно всё оформить, – подсказывает он. – Давай, я позвоню?

– Звони.

Заявление в полицию по поводу вторжения с непонятными намерениями в больницу группы лиц в нетрезвом состоянии, а также о насилии, применённом к охране, как рассказал Ванька, присутствовавший при процессе, Лена составляла тщательно. Он принёс его мне на подпись в смотровую, где я выполнял свои профессиональные обязанности дежурного хирурга. Свидетельские показания персонала тоже были написаны и подписаны. Снова были сняты копии данных с камер видеонаблюдения. Позвонить о нападении Зорину я тоже попросил братишку, поскольку на это не было времени, а вот сейчас вышел в приёмный покой, чтобы проводить незваных гостей, которых увозит полиция.

– Парни, повторяю свой совет: держитесь от меня и от больницы подальше. Это в ваших же интересах, – и обвожу взглядом всю эту компанию. Четверо спутников высокопоставленного сына стоят понурые, сам же он смотрит с откровенной ненавистью. Мне это понятно. Он только теперь осознал, что нарвался. – Тебя это тоже касается, – повторяю, уже обращаясь лично и глядя ему в глаза. – Вообще считаю, ты уже достаточно нагулялся, и если твои безобразия не прекратятся, то я найду время и займусь тобой и твоим воспитанием лично. Не советую провоцировать такое решение.

* * *

Отправив полицейский наряд и воспользовавшись неожиданно образовавшимся свободным временем, прошёл по палатам. Я это делаю обязательно во время каждого своего дежурства, чтобы лишний раз, никуда не торопясь, поговорить с нашими пациентами. Люблю такое общение, однако сегодня из-за случившегося припозднился, поэтому почти все уже спали. Хорошо, что шум из приёмного покоя на этажи не доходит! В общем, везде тишина и порядок. Спускаюсь назад в приёмный покой. Охрана расположилась частично, как обычно, на своём месте в помещении и частично на скамейках на свежем воздухе. Дополнительных охранников я хотел было отправить по домам, но они отказались, объяснив, что выполняют приказ, который может отменить только человек, его давший, то есть Зорин. Что ж, Николай Сергеевич строг!

С улицы заходит Ванька. Он на своей машине отвозил домой Лену.

– Почему ты тоже домой не поехал? – сразу атакую я его вопросом. – На сегодня все потрясения кончились. Можешь спокойно уезжать.

– Да поздно уже, – отмахивается он. – Потом, если всё будет тихо, пойду в ординаторскую терапии и на диване часа два-три посплю. Да и впрок я выспался за время своего лежания в стерильных условиях!

– Сна впрок не бывает, – хмыкаю я. – Пошли тогда ко мне в кабинет, ударим по кофейку!

...Кофеварка закончила трудиться, и чашки наполнены. Когда мы с Ванькой вдвоём здесь пьём кофе и что-нибудь обсуждаем, я не сажусь в своё кресло, поэтому сидим друг против друга на стульях, предназначенных для пациентов и посетителей.

– Сегодня ты должен быть мною доволен, – замечаю, делая очередной глоток. – Во всей этой истории, как мне кажется, твой брат вёл себя вполне пристойно, из берегов не выходил и никому урона не нанёс.

– Думаю, гречневая каша себя напрасно нахваливает, – братишка поднимает на меня взгляд и я... не вижу там одобрения.

– Я снова что-то сделал не так?

– Как тебе сказать... Вроде всё правильно, только мне показалось, ты сознательно унижал этого Вовика. Согласен?

– Конечно! Скажу больше, я, как ты правильно сказал, сознательно мстил ему за твоё унижение и за твои страдания. Я стремился сбросить этого юного хозяина жизни с их небес на нашу грешную землю. Негоже с молодости вытирать о людей ноги!

– И поэтому ты решил вытереть ноги об него самого?

– Именно! Я хотел, чтобы он почувствовал себя в такой непривычной роли. Знаю, ты скажешь, что это недостойно. Готов с этим согласиться, но повторю то, что говорил всегда: на каждую наглую силу должна быть сила бóльшая, дабы эту наглость сдерживать и наказывать. Вот я и постарался ему показать эту бóльшую силу. Показать, если хочешь, её господство.

– Последнее слово сильно напрягает, – опять ёжится Ванька. – Боюсь, мы сейчас вернёмся к старой, не любимой тобой теме.

– Ты имеешь в виду термины «повелитель» или «вершитель», коими ты меня называешь, когда хочешь выругать. Вот и сейчас увязал с ними произнесённое мной слово «господство». Так?

Внимательно смотрит и молча кивает.

– Ох, Ванюха... Я тоже не хочу начинать эту тему! Мне совершенно не хочется быть повелителем. Согласись, в нормальной обстановке, в моей повседневной работе, я пользуюсь своими способностями лишь для лечения наших с тобой пациентов, то есть для блага людей, и очень стараюсь... не демонстрировать в полной мере имеющиеся возможности, чтобы никого

не напрягать и тем более не пугать. Сегодня же был тот самый случай, когда я счёл правильным показать этому недорослю, кто он есть на самом деле со всеми своими амбициями.

– То есть ты решил ему показать, кто на самом деле является хозяином жизни...

– Знаешь, ты кто? Провокатор! – хмыкаю я.

– Да не хочу я тебя провоцировать! Я не знаю, как до сегодняшнего дня воспринимал тебя этот Вовик, но уверен, случившееся укладывание на пол стало для него полной неожиданностью. Конечно, слава богу, объект воздействия после встречи с тобой не ослеп, не оглох и не онемел. Я это оценил, – братишка при этом ехидно усмехается, но продолжает уже серьёзно: – Только считаю, лишними оказались твои слова. Лучше было их не говорить. Тем более не именовать себя «дяденькой волшебником». Ведь именно своими словами ты стремился его унижить. Ты, по сути, похвалялся своими запредельными возможностями, объясняя ему, с кем он связался. Пусть этот сынок наверняка считал своё положение незыблемым просто по своему статусу, точнее, по статусу высокопоставленного отца, но не надо было опускаться до его уровня.

– Просто я говорил с ним на понятном ему языке. Другой он вряд ли бы понял. А насчёт восприятия моей персоны могу кое-что рассказать. Совершив некоторое путешествие, скажем, по содержимому его черепной коробки, я выяснил, что Бураков, ставший свидетелем моего воздействия на парней из приехавшей с ним охраны, предупреждал мальчика о возможности гипноза.

– Тогда почему же он этого не учёл? – на Ванькином лице недоумение.

– Обычная юношеская самонадеянность, замешанная на вседозволенности. Не знаю, упал ли я в тот момент до его уровня или нет, но считаю, сделал всё правильно.

– Сашка, я готов понять и принять, что ты хотел его напугать и унижить, но даже такие вещи можно и нужно делать, не роняя себя. Я считаю, твоё поведение с этим Вовиком было... пацанским! Вот если бы, уложив на пол, ты до приезда полиции полностью игнорировал его присутствие, ему бы стало значительно страшнее, поскольку было бы совершенно непонятно, чего от тебя можно ждать ещё. Согласись, молчание противника гораздо страшнее его слов. Уверен, настоящий страх приходит, когда человек осознаёт, что не в состоянии понять происходящее и правильно его оценить. Разве нет?

Хочу ответить, но в этот момент открывается дверь.

– Александр Николаевич, «скорая» привезла с нагноением кисты, – сообщает медсестра из приёмного.

– Иду! – и встаю. – Прости, Ванюха, дискуссия прерывается. Надо работать.

* * *

Прооперировав привезённого «скорой» пациента, спускаюсь снова в приёмный покой. Здесь пока всё тихо. Нехирургический дежурный персонал мирно пьёт кофе. Ванька, как и собирався, ушёл спать в ординаторскую терапии.

– Александр Николаевич, садитесь с нами, – приглашает одна из медсестёр. – Вам же отдохнуть надо после всего...

– Спасибо. Только я лучше выйду на свежий воздух, просто поброжу по нашему парку и подумаю. А если что-то экстренное, то зовите сразу.

Миновав перекуривающую на скамейках у входа охрану, не спеша иду по дорожке. Я тут часто прогуливаюсь, причём не только летом. Зимой после завершения какой-нибудь сложной операции меня тоже тянет выйти сюда. Тогда, набросив куртку, брожу, хрустя снегом, и морозный воздух так бодрит! Сейчас всё не так... Призрачный свет белой ночи и аромат цветущей сирени, высаживание кустов которой в нашем саду состоялось тоже по личному указанию Николая Сергеевича, снова погружает в романтическое состояние. Вспоминаю, как неделю

назад, куря у открытого окна кабинета, мне захотелось присесть на скамейку и куда-то улететь мыслями. Наконец это можно себе позволить. Вот и любимая скамейка...

Разговор с Ванькой не идёт из головы, и это является своеобразным показателем. Когда человек после дискуссии по-прежнему ощущает свою правоту, он спокоен. Не убедил оппонента – ну и ладно, так тому и быть. Я же покоя не чувствую, а это значит, что братишка прав! Действительно, с этим сынком я вёл себя по-пацански, а ведь уже достаточно взрослый человек для такого щенячьего поведения. Даже стыдно... Пока есть время, надо оценить свои действия, ведь приехав домой к своему семейству, я вряд ли смогу остаться один, чтобы спокойно посидеть и подумать. А вот если бы мы с Ванькой по-прежнему жили в нашей замечательной однокомнатной квартире на одиннадцатом этаже, такого вопроса бы не стояло, ведь братишка, очень тонко меня чувствуя, всегда создавал мне правильную обстановку. Он не задавал ненужных вопросов, не предлагал каких-то обсуждений, а просто уходил из кухни, где я в такие минуты устраивался с сигаретой, и его было не видно и не слышно ровно до момента обращения к нему.

Вот опять я вспомнил про ту однушку... Ну почему я так часто про неё думаю?!

Может, когда я туда приезжаю, то погружаюсь в свою прошлую жизнь, в которой было всё по-другому. А что там было по-другому? Страшно подумать... Там отсутствовали сугубо семейные заботы, во многом определяющие мою жизнь сейчас. Тогда я мог планировать своё время без учёта потребностей людей, живущих рядом. В то время я имел как бы большую самостоятельность в принятии решений что, когда и где делать и поэтому быстро развивался! Сейчас же моё поведение определяется необходимостью выстраивать свою жизнь в соответствии с пониманием требований семьи. М-да... Ещё немного таких логических построений, и я приду к мысли, что семья мешает мне развиваться и потому... тяготит. Пожалуй, не зря на заре наших отношений Николай Сергеевич охарактеризовал меня как волка-одиночку. А волк-одиночка – это состояние, когда если человек нужен, то – иди сюда, а если нет, то – пошёл вон и жди, пока позову снова. С таким подходом недолго стать монстром. Поэтому что-либо подобное я сознательно и усердно каждый день в себе давлю, стараясь быть хорошим отцом, мужем, да и сыном тоже, ведь Кирилл Сергеевич относится ко мне, как отец. Здесь, как, впрочем, и везде, ситуация определяется Гауссовой кривой распределения, на одном краю которой стоцентные семейные хлопоты и потому отсутствие профессионального роста, а на другом – труд в отшельничестве и развитие. И опять приходится на этой кривой искать ту точку, где конкретному индивидууму можно сбалансировать потребности в одном и втором.

А мне нужен такой баланс! Мне нужны все мои родные! Вот сейчас сижу и думаю, что со своей женой я за годы нашей жизни так и не удосужился просто погулять или хоть посидеть в обнимку на скамейке в парке. При этом можно ничего не говорить и просто молчать, наслаждаясь покоем и присутствием рядом своей любимой. А вместо таких счастливых мгновений постоянно один сплошной бег...

У Ваньки в семье всё совсем по-другому. Они с Ритой как-то находят возможность и погулять, и сходить в театр. Посещают разные концерты в Большом зале филармонии. А мы с женой за всё время нашей семейной жизни там были всего два раза, и то когда Серёгины, взяв билеты, нас заставили пойти с ними, заявив, что такие события пропускать нельзя. Эти два вечера Даша вспоминает до сих пор, что и понятно, поскольку на концерте в зале мы сидели рядом – были вместе! А почему бы нам самим не делать таких вылазок? Дело, конечно, не в детях. Кирилл Сергеевич всё время пытается отправить нас где-нибудь развеяться, и можно быть уверенными, что наши мальчишки под присмотром любящего, но строгого дедушки будут и накормлены, и вовремя уложены спать. В такой жизни виноват, естественно, я, ведь только моя занятость здесь служит помехой.

А что такое – моя занятость? Увы, но это состояние в первую очередь – результат востребованности доктора Елизова. Вот, например, освобождённую братишкой триста двадцатую

палату сразу занял очередной пациент, на этот раз из Германии. Три месяца ждал, когда подойдёт его очередь! А сколько людей ко мне едут из бывшего Союза. Ставлю их на ноги, выпрямляю спины... Кроме этого есть ещё большая хирургическая нагрузка здесь и командировки в Булун для проведения там особо сложных операций. Прилетая туда, я ещё обязательно пару-тройку дней вечерами, как и в Чистых Озёрах, пользуюсь приходящих пациентов чисто энергетически, ведь население, узнавая о моём грядущем приезде, заранее записывается на приём. Конечно, всё это является следствием того дара, который я должен отрабатывать по полной программе. И не только отрабатывать, но ещё и обязательно развивать, то есть тренировать своё сознание и свой организм. А чтение медицинской литературы для знакомства с новинками в профессии! Где же взять время? Вот и получается: там урвал немножко, потом в другом месте и тоже немножко...

С одной стороны, такая жизнь держит в постоянном тонусе, но с другой – порой так хочется хоть немного побыть обычным человеком! Именно обычным, с обычной жизнью, с обычным ежегодным отпуском, проводимым с семьёй... Конечно, со своими мальчишками я стараюсь заниматься. Причём заниматься тем, что интересно им сейчас, в их возрасте, ведь они тянутся ко мне, стараются вовлечь в свои игры, просят объяснять открытия, которые делают, наблюдая окружающую жизнь. Почему я об этом думаю? Просто сейчас я перечислил свои основные обязанности в этой жизни. И такие обязанности в той или иной форме будут сопровождать меня на всём её протяжении. Вот и получается – постоянный бег... Может, это и есть тот самый баланс? Только куда я всё время бегу?

...Ну вот, опять «скорая» подъехала. Надо сходить и посмотреть, кого и с чем она привезла. Кончился перерыв на отдых. Хорошо бы, чтобы вместе с ним закончились и сопровождающие его нелёгкие мысли. Только вряд ли это возможно.

* * *

Ночь была трудной. Поспать сумел лишь полтора часа и поэтому чувствую себя совсем измотанным. С утра проведаль прооперированных ночью, потом провёл обычный обход и вот пришёл к себе в кабинет, чтобы немного поспать ещё.

На стук в дверь реагирую болезненно. Коллег я просил не мешать, пообещав встать через час, и знаю, они всегда в таких случаях меня понимают. Свободно ко мне может входить только Ванька, но он тоже знает, что я отдыхаю. Хотя в поликлиническом отделении прийти и постучать может кто угодно... Кого же это чёрт несёт?

На достаточно раздражённое «Войдите!» появляется старый знакомый. Бураков!

– Где Володя? – с порога спрашивает он.

Однако... Наглость зашкаливает.

– Может, поздороваетесь сначала? – с откровенной насмешкой интересуюсь я и добавляю: – В армии вас после такого появления отправили бы за дверь и приказали войти, как положено.

– Мы не в армии! – и следует раздражённое повторение вопроса: – Я вас спрашиваю: где Володя?

Про себя думаю, посмеяться мне или раздражиться. Решаю всё-таки посмеяться.

– А почему вы спрашиваете у меня?

– Потому, что они вчера поехали сюда к вам! Их две машины сейчас стоят на вашей стоянке.

– Значит, вы знали об их намерениях, – я усмехаюсь, вспоминая, что этот факт выяснил ещё вчера в мозгах этого сынка, – и даже не посчитали нужным нас предупредить о грядущем... нападении на государственное лечебное учреждение.

– А почему я должен вас предупреждать? Это ваши проблемы.

– Ошибаетесь. Это теперь ваши проблемы. Думаю, ваш мальчик снова осваивает «обезьянник» отделения полиции, которой мы его и сопровождающих лиц вчера снова сдали вместе с очередным заявлением по поводу учинённого хулиганства. Кстати, после вашего признания, что вы всё знали, было бы интересно зацепить и вас за соучастие в хулиганской выходке. Большого я вам сказать не могу, да и не хочу. Всех благ!

Бураков некоторое время буквально хлопает глазами, потом поворачивается и, подумав, тихо её за собой закрывает.

Вот сукин сын! Сразу весь сон пропал. Нет, всё равно надо лечь и постараться отдохнуть. Где там моя любимая подушка?

...Зорин приехал ближе к двум часам дня. К этому времени местная полиция уже сообщила про отправку всех виновников вчерашнего набега в город, как и в прошлый раз, причём в тот же суд, который счёл высокопоставленного сынка, по своему внутреннему убеждению, не опасным для общества и согласился на залог. Лена поехала туда, чтобы представлять нашу сторону.

– Что скажете, Александр Николаевич? – заходя в кабинет и пожимая руку долгим и тёплым рукопожатием, задаёт вопрос глава района.

– Простите, Николай Сергеевич, пока скажу, что за эти сутки очень устал, – и приглашаю его сесть.

– Это по вашему лицу видно. Не спали?

– Удалось всё-таки немного перехватить. Правда, днём мой сон чуть не сбил представитель папаши этого... сынка. Приехал его искать ко мне. Наглость зашкаливает! Прекрасно ведь знал, куда тот вечером направляется, но предупредить о готовящемся реальном нападении на государственное медицинское учреждение даже не собирался.

Гость тихо вздыхает, как бы про себя, даёт Буракову матерную характеристику и, посмотрев на свои ботинки, поднимает взгляд.

– А теперь послушайте... Думаю, вы не сомневаетесь в моём жизненном опыте...

– Не сомневаюсь, – послушно киваю я и сразу добавляю: – Хотите, чтобы я ездил с охраной?

– Так нечестно... – делано обижается он. – Вы прочитали мои мысли.

– Нет... Это простая логика, вытекающая из опыта общения с вами.

– Тогда она вас не подвела. Я хотел сказать именно это. Более того, ездить вы должны не на своей машине и не на вашей служебной, поскольку она тоже известна. Бережёного, как известно, Бог бережёт! При всех ваших талантах, согласитесь, это нужно.

– Ладно, уговорили.

– И ещё. Парни доложили, как, когда всех этих увезли, вы хотели их отправить домой. Так вот, они здесь будут дежурить постоянно, пока всё не прояснится. Не уверен, что вы до конца представляете будущие опасности. Вчерашним набегом этот сынок показал способность действовать самостоятельно. Думаю, папа был не в курсе. Да и не стал бы он мараться такими вещами.

...Ближе к концу дня пришлось заняться сугубо административными делами, которые свалились на меня в связи с отпуском главного врача. Выполняя необходимую бумажную работу, я всегда располагаюсь в его кабинете и вот сейчас подписываю разные документы. Звонит городской телефон. Как всегда, сначала отвечают с параллельного аппарата в бухгалтерии, но сразу раздаётся звонок по местной связи.

– Александр Николаевич, вас просят...

– Спасибо, – и снимаю городскую трубку. – Я слушаю!

– Господин Елизов? – спрашивает женский голос.

– Да, это я.

– С вами сейчас будет говорить Эдуард Павлович. Соединяю.

О как! Удостоился я чести. Лично будет говорить папаша Ванькиного обидчика.

– Здравствуйте, господин Елизов, – приветствие звучит сквозь зубы и следует властное заявление: – Хоть вы и отказались от приглашения в гости, но мне всё равно надо с вами встретиться. Жду вас через два часа у себя в кабинете. Машина к вам вышла.

– Я не понял...

– Что вам непонятно? – с некоторым раздражением перебивает он на полуслове.

Ну как же мне надоели вот такие грозные начальники!

– Я не понял, почему должен куда-то приезжать, когда это нужно вам. По вызову я езжу только к больным и к чиновникам в Облздрав, а вы таковым не являетесь, поэтому считаю, в данном случае приехать должны сами, – и, воспользовавшись явным шоком на том конце линии от того, что там расценили, как очередную наглость, завершаю разговор: – Если вам нужно поговорить, то приезжайте сюда, но предварительно согласуйте со мной время, чтобы я не был в операционной. Найти меня нетрудно. Всех благ!

Положив трубку, какое-то время смотрю на телефонный аппарат. Получается, до этого момента та сторона конфликта пыталась действовать сначала через руководство и это не удалось, потом приезжал этот... посланец и тоже получил отказ, а только что я сам отказался от прямого контакта... Полагаю, настоящая война началась именно сейчас.

Часть 2. Началось

Лишний раз убеждаюсь, что связался с более чем влиятельными людьми. Даже несмотря на совершённый хулиганский набег, тот же суд, слегка пожурив сына за действия, нарушившие покой государственного учреждения, сохранил ему прежнюю меру пресечения в виде залога. Об этом рассказала присутствовавшая там Лена.

Мы сидим в моём кабинете втроём. Для разговора я позвал ещё и Ваньку.

– Значит, прав был Николай Сергеевич, оставив в больнице усиленную охрану, поскольку продолжение вполне может последовать, – подвожу я своеобразный итог и поворачиваюсь к братишке: – Что ты там говорил про дитё неразумное и наше призвание терпеть его выходки?

– Ладно тебе... – бурчит он, опуская голову. – Сам понимаю, не тот случай. И твоя охрана – тоже правильно. Я видел, какими глазами смотрел на тебя этот сынок.

Некоторое время все трое молчим.

– А как с теми парнями, которые были здесь вместе с ним? – интересуюсь я после паузы.

– Этим дали административный штраф и отпустили. Знаешь, какое впечатление у меня сложилось от общения сына со своей свитой? Похоже, у них там имеет место кастовость. С двоими у него явно приятельские отношения и всё время смешки, переглядывания, рожи друг другу строят. А двое других были очень подавлены и вели себя тише воды и ниже травы. Вообще он постоянно будто подчёркивал их подчинённое положение. Видно, насмотрелся на папу и его стиль взаимоотношений с окружающими. Ещё мне показалось, что в поведении адвокатов, которые их всех постоянно инструктировали, на этот раз была некоторая досада.

– Естественно, ведь строптивый мальчик своим поступком навредил не только себе, но и своей отмазывающей команде.

– А когда Кирилл Сергеевич возвращается? – вдруг интересуется Ванька.

– Мы должны сегодня с ним созвониться и решить. Ну и надо выяснить, когда случится подходящий борт. Конечно, начавшаяся история ко времени его выхода на работу не закончится, ведь происходящее сейчас, к сожалению, надолго.

После завершения разговора поднимаюсь на второй этаж в кабинет главврача. Хочу оттуда позвонить в Булун. Там сейчас девять вечера, и Кирилл Сергеевич уж точно дома в своей, оставленной после переезда в Питер, уютной двухкомнатной квартире. В ней всегда останавливаюсь и я, когда прилетаю туда для работы в местной больнице. Хоть это обиталище за годы частых визитов мной, можно сказать, обжито, но моими же стараниями там ничего не менялось и всё осталось так, как было при прежнем хозяине. Это место тоже очень значимо в моей жизни.

Трубка на том конце линии снимается почти сразу, и это заставляет улыбнуться. Снова воспоминания! Хозяин, будучи главврачом больницы, всегда был готов к любым просьбам о помощи и держал телефон под рукой.

– Здравствуй, Сашенька! – слышу я бодрое приветствие, едва наш Главный узнаёт мой голос. – Ну как там у нас дела? Ты уже несколько дней не звонил, и я даже стал слегка беспокоиться, не случилось ли чего.

И вдруг меня будто что-то толкает... Наш начальник, когда вернётся, всё равно узнает о всех неприятностях и просто по своему статусу станет их участником. Похоже, пора ввести его в курс дела, но, учитывая возраст и здоровье, информацию надо подавать аккуратно, как говорится, «в час по чайной ложке», а не «как снег на голову».

Крайне осторожно рассказываю о здешних событиях и сообщаю, что виновник является сыном главы известной корпорации. Особо акцентирую внимание на полном приведении Ванькиного здоровья в порядок. О последнем налёте удалой компании на больницу умалчиваю, только говорю о результате суда и мере пресечения.

– Понятно... – таким знакомым тоном глухо произносит Кирилл Сергеевич и делает точное заключение: – Догадываюсь, теперь на нас со всех сторон давят, убеждая забрать заявления. Так ведь?

– Конечно... – вздыхаю я.

– А с Ваней действительно сейчас всё в порядке, или ты чего-то недоговариваешь? – звучит с некоторым подозрением.

– Кирилл Сергеевич... Ну неужели я бы Ванюху не привёл в порядок! – моя укоризна абсолютно искренна. – Лицо я ему сделал, ребра после моей терапии срослись. Он уже работает!

– В общем, так! Мне надо возвращаться, – следует твёрдое решение. – Узнай, пожалуйста, когда ближайший питерский самолёт будет здесь.

– Честно говоря, я это и собирался сделать. Как узнаю, сразу же вам позвоню. Теперь скажите, как там у Николая Фёдоровича с хирургической нагрузкой? Боюсь, со здешними проблемами я к ним скоро прилететь не смогу.

– Ты знаешь, особо серьёзных случаев на сегодня нет, – потом следует пауза и вопрос: – Больше ничем поинтересоваться не хочешь?

Понимаю, о чём он. Когда-то во время работы в Булуне я согрешил... и теперь ещё одному моему сыну – Васе шесть лет. Его мать Таня, тоже работающая в больнице, называя себя нерасписанной женой, до сих пор меня очень любит и всегда ждёт. Естественно, свою «северную семью» я не бросаю и, как могу, всячески поддерживаю. Помню, после признания о её существовании Ваньке я получил от него по морде... Понимая, что шила в мешке не утаишь, Кириллу Сергеевичу непосредственно перед его поездкой на север по-сыновьи об этом факте тоже покался. Взбучки, правда, не получил, но, увидев грустное покачивание головой, всё понял. До сих пор единственный из близких людей, кто не знает об этом моём прошлом, – Даша. Не представляю, что будет, когда всё вскроется.

– Про своих я практически всё знаю, – приходится снова вздыхать. – Я же с Таней часто созваниваюсь, поэтому в курсе всех их дел.

– Я бы хотел, чтобы ты помнил, что твоему здешнему сыну тоже нужно мужское воспитание, – с определённой сухостью произносит мой названный отец. – Думаю, ты сам это понимаешь, и вообще считаю, нам с тобой эту тему надо будет обсудить обстоятельно. Короче, как узнаешь про самолёт, звони сразу. Я должен успеть не только собраться, но и попрощаться.

После разговора с Булуном перевариваю его содержание. Надеюсь, на том конце линии особого нервного напряжения не случилось. Ясно, Кирилл Сергеевич, как всегда в таких случаях, уже сконцентрировался на здешней проблеме и рвётся её решать. Только вот это и может явиться ненужным раздражителем, и следовательно, допускать его к активному участию в процессе не стоит. А насчёт остального, то, когда мы летели туда, он говорил, что с удовольствием познакомится с ещё одним своим «внуком». Таню он хорошо знает, поскольку сам принимал её на работу, ещё будучи главврачом тамошней больницы, где тогда работал и я. Значит, встреча состоялась и тревожащего меня разговора не избежать. Ладно! Пока надо позвонить и узнать про самолёт.

* * *

– Александр Николаевич, из приёмного позвонили и сказали, что вас там спрашивают, – сообщает медсестра на посту, когда я прохожу мимо.

– Если без записи на приём, то подождут. Скажите, я пока занят.

Во время своего вечернего приёма, который веду с пяти до семи, я в основном пользую местных жителей, как обычный врач поликлиники. Такие услуги всегда бесплатны для пациентов. Для жителей других регионов страны, и теперь не только нашей, существует запись либо

по телефону, либо на сайте. Всем этим занимается регистратура и потом передаёт график мне. Для этих пациентов, когда они есть, отведено время первичного приёма с четырёх до пяти часов дня. Тем не менее, когда кто-то приезжает вот так, без записи и в неурочное время, я стараюсь всё-таки принять, однако сегодня у меня непростой день и времени совсем нет. Только закончилась операция, теперь вот будет консилиум по состоянию одного из пациентов. Кроме этого с беспокойством жду результатов вызова Ваньки к следователю. Он поехал туда с Леной, а в городе к ним ещё должен присоединиться юрист от Кушелева. В общем, незапланированные пациенты мне сегодня совсем некстати, но приму, конечно, хоть и не сразу.

Наконец спускаюсь в приёмный покой и вижу... Буракова, нервно меряющего его шагами.

– Я жду вас уже почти час! – без приветствия с раздражением произносит он.

Наглость заявления сильно раздражает, и я решаю снова обозначить его положение относительно моего.

– Не припомню, чтобы я вас вызывал и назначал конкретное время, – замечаю я с нескрываемой насмешкой и сухо. – А раз вы приехали ко мне без согласования, то ждёте ещё ТОЛЬКО час, поскольку так и не поняли, что я слишком занятой человек, чтобы тратить время попусту. Какие у вас опять проблемы? Только излагайте быстрее.

Приятно наблюдать, как этот «хозяин жизни», а точнее, просто холуй, сдувается.

– Володя пропал... Мы его ищем уже третьи сутки, – следует неожиданное признание.

– О как! Вы решили приезжать сюда для поисков после каждого загула вашего мальчика? – интересуюсь я с усмешкой. – Напрасно ехали. Вашего Володи здесь не было и, надеюсь, не будет. А когда вы всё же вашего подопечного найдёте, напомните ему мой совет держаться от больницы и от меня подальше. Это в его же интересах.

После сказанного разворачиваюсь и собираюсь идти к себе в кабинет.

– Одну минуту! – слышу за спиной.

Оборачиваюсь.

– Что вам ещё?

– Александр Николаевич... – на лице Буракова неожиданно проступает что-то похожее на смущение. – Я уже был в здешней полиции. Они сказали, вы благодаря вашим... способностям, можете найти человека. Я, собственно, приехал просить вас...

– Могу, но в данном случае не хочу, – прерываю я его бормотание. – Действительно, прошлым летом я помог полиции найти заблудившегося в лесу мальчика, но сейчас речь идёт совсем о другом мальчике, хотя он, как видно, тоже заблудился, только в своей жизни.

– Александр Николаевич... Эдуард Палыч очень беспокоится. У нас вся служба безопасности на ногах!

– Виктор Константинович, вы однажды объяснили: у нас с вами разные проблемы. Видите ли, для какого-то «врачишки» я достаточно толковый ученик и понял это с одного раза. Решайте свои проблемы сами, и я буду решать свои тоже сам. Всех благ!

В кабинете открываю окно и смотрю на больничный парк. Сегодня с утра пасмурно, а сейчас вообще был дождь, поэтому листва за окном, приняв душ, имеет весьма свежий и насыщенный цвет. Кое-кто из наших пациентов, несмотря на сырость, прогуливается по дорожкам...

М-да... Ясно, что отец беспокоится из-за исчезнувшего сына, только делать это надо было значительно раньше, пока его можно было воспитать. Теперь наверняка уже поздно. Выходит, получив в результате влияния папы очередной сигнал о своей безнаказанности и уверовав в неё, он просто... сбежал! Интересно, знает ли о его исчезновении служивый человек, рьяно отстаивающий интересы своего подследственного? А если скрылся, то, значит, с какими-то целями. В этом случае логика подсказывает, он не успокоился и хочет... мстить за своё уни-

жение. Неужели ничего не понял? Стоп! А может, это я чего-то не понимаю? Думай, голова, думай!

Я ведь тоже уверовал в свои способности или возможности и считаю, что они мне помогут успешно противостоять любым агрессивным выпадам. Только вот – любым ли? Ведь, если разобраться, моя способность противостоять начинается с контакта, с момента, когда я вижу или чувствую рядом нападающего на меня человека, но ведь есть способы нападения и неконтактные. Выстрел, например!

...Телефон главы района выключен. Наверно, сейчас он где-нибудь в областном правительстве на совещании. Жаль...

А может, озадачиться самому выяснением планов врага? В своё время, поставив серию опытов, я научился воздействовать дистанционно. Реально об этом знает только Ванька, бывший помощником и участником этих экспериментов. После моих тайных воздействий, заключавшихся в мысленной передаче совершенно безобидных команд конкретным знакомым людям, я просил его выяснить у подопытных, были ли они выполнены. И тогда всё получилось! Я даже разработал метод таких воздействий и потом ещё раз проверил его на практике. Всё бы хорошо, но в данном случае, чтобы узнать о планах, требуется чтение мыслей, а такое мне на сегодняшний день доступно лишь в ходе либо визуального контакта, либо при разговоре. Опять-таки, думай, голова, думай!

Прервав мои мысли, в кабинет входят вернувшиеся после поездки Ванька и Лена.

– Ну что там? – задаю вполне естественный и нетерпеливый вопрос.

– Сашка, ты представляешь, следователь сказал, я спровоцировал нервного молодого человека своим хамским поведением и он поэтому не сдержался, – садясь, с румянцем возмущения буквально выпаливает братишка.

– Что-о? – от удивления чуть не теряю дар речи. – Это ты-то? Провоцировал хамским поведением?

– Я, конечно! Следователь с этого и начал. Они там совсем с ума посходили?

Не могу про себя не улыбнуться вечной Ванькиной наивности. И за это тоже его люблю. Ведь известно: каждый из нас меряет другого по себе. Чистый и честный человек искренне надеется, что с ним будут вести себя тоже честно, и за такое заблуждение получает награду в виде разочарований.

– Ваня, ты успокойся, – Лена вздыхает. – Наоборот, у них с головами полный порядок. Лучшая защита – нападение! Вот и нападают...

– Погодите, а свидетельские показания с нашей стороны? Данные с камер, наконец! – не понимаю я.

– Следователь не стал скрывать, что нашими документами пока не занимался, – усмехается она. – Сказал, сейчас у него на столе заявление противоположной стороны, с которым он и разбирается. Тогда помощник от Сергея Александровича припугнул этого мужика возможностью передачи данных с камер на телевидение с соответствующими комментариями. Объяснил ему: поскольку это всё случилось с сотрудником доктора Елизова, которого неплохо знают, более того, с его братом, то за такой сюжет там ухватятся. Честно говоря, я бы так шантажировать не смогла и очень ему благодарна за такой ход.

– То есть теперь они знают, что Ванюха – мой брат... – вырывается у меня. – Не очень мне нравится такое развитие, но если это нужно для успеха, то ничего не поделаешь. Правда, не хотелось бы, чтобы сюда ещё и телевизионщики нагрянули.

– Ничего, будет нам лишняя реклама, – хмыкает Ванька.

– Вот именно – лишняя, потому что ненужная! Ладно, а какой сухой остаток?

– Следователь пообещал к следующей встрече найти время и ознакомиться с нашими материалами, – видно, Лена сильно раздражена, но старательно себя сдерживает. – Копии на

всякий случай у нас есть, и если подвижек не будет, возможно, придётся пойти обещанным путём.

Снова сижу и анализирую закончившийся разговор. Вот и прозвучал ответ на мои громкие слова про закон, который для всех един. Пока не было получено заявление от сынка о якобы Ванькиной провокации, следствие даже не стало рассматривать наши аргументы. Ну и что сейчас я могу сделать? Вмешаться во всю эту следственную кухню со своими способностями? Будет ли это законно, то есть – по-честному? Нет, конечно! Но будет справедливо! Господи! Ну научи же, как я должен поступить!

...Перед вечерним приёмом вместе с Ванькой в кабинете пьём кофе. Я уже ему рассказал про визит Буракова и свои мысли после нашего разговора.

– Сашка, – взгляд братишки озабочен, – я снова начинаю за тебя волноваться!

– Не поверишь, – и усмехаюсь, – я за свою дражайшую персону тоже несколько обеспокоился. Через покушение, как ты помнишь, я уже когда-то проходил.

– А тебе никаких сигналов не было?

Понимаю, что он имеет в виду какие-либо моменты предвидения.

– Нет... И если честно, то ощущение близкой опасности, которое в таких случаях является предупреждением, тоже отсутствует.

– А когда ты за Кириллом Сергеевичем летишь?

– Нужный борт будет послезавтра. Только это меня спрячет от их возможных посягательств лишь на два дня, – угадываю я его мысль. – Всё равно же я потом вернусь!

– Может, за время твоего отсутствия этот Вовик объявится или его найдут?

– Даже и не знаю, насколько это будет хорошо. Если он объявится здесь, то опять могут случиться неприятности. Ладно, сегодня вечером всё-таки поговорю с Николаем Сергеевичем и спрошу у него совета. Пока давай начинать приём.

* * *

Я в гостях у Зорина в его несколько тяжеловесном, хорошо мне знакомом коттедже. После моего звонка он предложил заехать, когда закончится вечерний приём.

– Сейчас мы вас после всех трудов накормим, – радушно заявляет хозяин, приглашая к столу. – Надеюсь, Даша не станет на меня за это сердиться.

Отказываться даже не помышляю и за обильным ужином рассказываю Николаю Сергеевичу о разговоре с Бураковым.

– Есть из-за чего беспокоиться, – задумчиво произносит он. – Уверен, теперь вы признали мою правоту насчёт вашей охраны. Слушайте, а может, вы всё-таки, применив свои способности, сможете его найти? Согласитесь, сейчас это в наших общих интересах. Если этого мальчика по вашим указаниям найдут, то, может быть, потом будут хоть как-то контролировать?

– Николай Сергеевич, на юношу вы тоже не очень похожи, – практически перебив, ехидно замечаю я, вспоминая его слова в ответ на высказанную мной надежду, что высокопоставленного сынка отправят в СИЗО.

– Уели вы меня, – усмехается Зорин. – Ну хорошо... Только в любом случае, я считаю, в начавшейся истории позиция нашей стороны должна быть активной, а мы пока только реагируем на уже сделанные против нас шаги. Согласны? Уверен, если сейчас опасность стала абсолютно реальной, то существующее положение вещей требует от нас решительных действий, – смотрю на собеседника и вижу строгий взгляд. – Сергей связался со мной сразу после того, как его адвокат рассказал ему о посещении Ваней следователя. Звонил в крайнем возмущении. И это вполне естественно, ведь ситуация, когда следствие до сих пор не удосужилось рассмотреть представленные вами материалы, а явно ожидало, пока противоположная сторона накает

своё липовое заявление, ничего, кроме возмущения, у нормальных людей вызвать не может. Это вообще чудовищно! Ваня – и вдруг хамил... Чушь сплошная. Ангелы не способны хамить!

Вспоминаю оценку, которую дал братишке мужик из посёлка. Всё сходится!

– Мы обсудили предложение юриста передать материалы на какой-нибудь из популярных каналов телевидения, – сделав паузу, продолжает хозяин дома. – Думаю, идея очень неплохая. Это и будет активным шагом с нашей стороны. Пусть обыватель узнает, как всесильный глава корпорации, ручкающийся с самим президентом, нагибает следствие для вызволения при помощи клеветы своего отморозенного сына. Причём клеветы не на рядового врача, а на брата многим известного доктора Елизова.

– А вот это уже будет перебором, – замечаю я. – Я понимаю, моё имя уже стало достаточно известным, но не хочу этим пользоваться.

– Александр Николаевич, дорогой вы мой, ваше имя теперь тоже может являться оружием. Логика проста: любого другого эта команда очень высокопоставленных лиц спокойно затопчет и пойдёт дальше, не оглянувшись. С вами у них такого не получится.

– Со мной у них такого не получится по другой причине.

– А вот этого как раз я больше всего и боюсь... Ну что вы так смотрите?

– Думаю о том, что в вашем лице получил кроме Кирилла Сергеевича и Ваньки ещё одного воспитателя, – усмехаюсь я.

– Вы мне сейчас сделали просто огромный комплимент. Спасибо... – задумчиво произносит Николай Сергеевич. – Ваше сравнение меня с этими двумя людьми... не только приятно, но и, как говорится, ко многому обязывает. Это в первую очередь ваша заслуга! – и сделав паузу, он снова переходит в наступление: – Поймите, предложенное адвокатом Сергея и вместе с ним мной позволит вам не совершать... доступные действия. Боюсь, именно такие шаги, если можно так выразиться, перетянут вас из поля закона в поле понятий.

Мобильник, как всегда, звонит не вовремя. Номер мне неизвестен.

– Слушаю!

– Добрый вечер, Александр Николаевич... Это... Эдуард Павлович беспокоит...

Хорошо, что я сижу, а то бы просто грохнулся на пол от неожиданности.

– Здравствуйте, Эдуард Павлович! Не стану спрашивать, откуда у вас номер моего мобильного. Уверен, вам его дал кто-то из бывших пациентов. Чем обязан вашему звонку?

Не знаю, какое в эти моменты выражение на лице у меня, но у хозяина дома оно какое-то растеряннo-озадаченнoе.

– Вы правы. Этот номер мне действительно дал один из ваших пациентов в прошлом. Александр Николаевич, я вынужден просить вас о встрече. Готов подъехать в Чистые Озёра в указанное вами время.

Как бывает всегда в таких ситуациях, мысли начинают просто носиться в голове. Что ж, ничего особо серьёзного на завтрашнее утро не запланировано...

– Хорошо! Приезжайте завтра к десяти. Я предупрежу в приёмном покое, и меня позвонят.

Дав отбой, смотрю на Зорина.

– Решил-таки приехать сам... – усмехается он.

– Главное, он позвонил сам, а не приказал соединить, как было однажды. Уверен, будет просить найти сына, поскольку употребил слова «вынужден просить о встрече». И тут, я думаю, вы правы: этого отморозка придётся ему найти. Во-первых, я не смогу отказать просящему отцу. Это будет не по-людски. Во-вторых, нам всем будет спокойнее, если этот «мальчик», как вы предположили, окажется под присмотром.

Некоторое время мы оба молчим, но наверняка думаем об одном и том же.

– Несмотря на высказанное мной предположение о контроле за сыном, не думаю, что с людьми типа его папаши можно о чём-то всерьёз договариваться, не будучи в их понимании в одном с ними статусе, – задумчиво произносит Зорин. – Я не верю людям из верхов иерархии.

При переговорах с ними для достижения своей цели им всегда надо показывать их собственную заинтересованность в ожидаемом от них действии.

– В любом случае, я попробую. Согласитесь, благодаря моим способностям меня трудно обмануть.

– Хорошо. Давайте решение о предании гласности всего имеющегося сегодня безобразия отложим до результатов вашей встречи.

– Я думаю, лучше его отложить вообще до возвращения Кирилла Сергеевича. Я за ним лечу послезавтра.

– Согласен. Но с Сергеем мы всё равно обсудим варианты. А номерочек-то всеильного Эдуарда Павловича вы на всякий случай сохраните. Вдруг когда-нибудь ещё пригодится.

Правильное напоминание! Произвожу на телефоне необходимые действия и фиксирую номер под инициалами ЭП.

* * *

Звонок мобильного поднимает меня в половине шестого утра.

– Слушаю! – и, боясь разбудить сладко спящее семейство, полуголый выскакиваю с трубкой из дачного домика на улицу.

– Александр Николаевич, нам сейчас позвонили и предупредили, что на федеральной трассе случилось серьёзное ДТП с большим количеством пострадавших. «Скорые» везут всех к нам, поскольку наша больница ближайшая, – сбивчиво сообщает дежурящий сегодня по части хирургии Алёшин.

– Понял. Сейчас выезжаю... Чёрт! Моя машина ведь стоит там, у больницы! Ладно, определяюсь. Ждите!

Действительно, начав ездить с охраной, свою «Ауди» я оставил припаркованной рядом с приёмным покоем. Ну что ж... Звоню Ваньке.

– Что у тебя стряслось? – сонно бурчит он в трубку.

Быстро излагаю свою просьбу.

– Через десять минут выезжаю, – звучит совсем по-другому. – Жди, я быстро!

Возвращаюсь в дом. Дашу своим резким подъёмом я, конечно, разбудил. Повторяю ей полученную информацию и иду умываться, чтобы к Ванькиному приезду быть в полной форме.

Замечательная у меня жена! Всё понимает с полуслова, и к моменту завершения утреннего туалета завтрак ждёт меня на столе. Всё-таки сначала звоню Алёшину, чтобы вызвал всю нашу хирургическую команду. Умница! Он успел всех обзвонить. На всякий случай ещё сам звоню Юре Кушелеву. Беспokoуюсь! Личный транспорт у него есть, но права он получил только два месяца назад, и если будет слишком спешить, может случиться всякое, поэтому пусть ждёт Ваньку, который проедет почти рядом. Потом даю команду братишке немного изменить маршрут.

...Ну вот, Ванькин «Пежо» вижу из окна, целую Дашу и выхожу.

– Привет! Уступи место профессионалу, – командую хозяину, подойдя к машине.

Поскольку водительский стаж у меня почти двадцать лет, то в экстренных ситуациях лучше рулить самому.

– Видишь! Бойтся Александр Николаевич со мной ездить на правом сиденье, – шутливо апеллирует Ванька к Юре, сидящему сзади, но место за рулём уступает.

– Пристегнулись? – в том же тоне спрашиваю я у пассажиров, отрегулировав под себя кресло и руль. – Тогда взлетаем!

Домчались без проблем. Подъехав к приёмному покою, видим сразу три «скорые». А ведь будут ещё! Беда... Оставив братишку парковаться, вместе с Юрой идём вникать в проблему.

...Все операционные нашей больницы заняты. Некоторых не очень сильно пострадавших пользуют в процедурных. Светлана Сергеевна вместе с Павлом определяются с установкой дополнительных коек в коридоре хирургического отделения. Пришлось из подвала грузовым лифтом поднимать старые. Когда во время замены мебели эти кровати хотели утилизировать, мудрый Кирилл Сергеевич настоял, чтобы их оставили на всякий случай. Вот он и наступил, этот случай.

Себе, как обычно, взял самого тяжёлого пациента. Это мальчик лет десяти с многочисленными переломами и разрывами некоторых органов. Работаем четвёртый час. Очень приятно, когда бригада понимает тебя с полуслова. Команды, даже самые неожиданные, исполняются чётко. Сегодня Новиков, приехавший по вызову позже нас, работает самостоятельно, а у меня в ассистентах Юра. Вижу его сосредоточенность и предельную аккуратность. Школа Шахлатого!

...Мальчика увозят в реанимацию. Вызываю Ваньку и прошу взять состояние маленького пациента под неусыпный контроль. Конечно, в реанимационном блоке есть свои специалисты, но здесь случай особый. Эта работа как раз для доктора Серёгина. Теперь надо выяснить, как дела в других операционных. Вспомнив о назначенной на утро встрече, предупредил, чтобы приехавшего Эдуарда Павловича, если он согласится в такой ситуации ждать, проводили в мой кабинет.

– Ну что, Юра? Наверно, испугался, когда мы мальчишку чуть не потеряли? – интересуюсь у ассистента, сидящего в кресле и с непонятной тупостью смотрящего на свои руки.

– А вы? – он поднимает на меня взгляд, который только теперь начинает становиться осмысленным.

– Испугался, – признаюсь честно и добавляю: – Испугался, что не успеем... Но мы успели! А ты – молодец! Ну иди отдыхай пока, а я зайду к соседям, – имею в виду соседнюю операционную. – Посмотрю, что там у Новикова с...

Договорить не успеваю, поскольку быстро входит Шитова.

– Александр Николаевич, Алексей Сергеевич просит подойти.

Значит что-то очень серьёзное и там...

* * *

Переодеться просто нет сил. Хорошо хоть теперь кроме грузовых лифтов у нас есть и пассажирские, а то ноги почти не ходят. Так во всём хирургическом и спускаюсь на первый этаж. Тут стало спокойнее. Всех, кому требовалась экстренная помощь, уже прооперировали. Остались совсем лёгкие.

– Александр Николаевич, человека, который к вам приехал, мы, как вы сказали, проводили в кабинет, – не прекращая накладывать повязку, докладывает сестра.

Значит, всё-таки ждёт меня мой гость! А как бы хотелось, чтобы он, не став ждать, уехал и можно было бы немного отдохнуть. У себя вижу сидящего на стуле у моего стола плотного мужчину под пятьдесят, седого, с намечающейся плешью. Он поднимается навстречу и протягивает руку. Обращаю внимание на его дорогой костюм. Я, наверно, себе такого никогда не смогу позволить.

– Здравствуйте! Извините, у нас сегодня неожиданный аврал, – объясняю я, отвечая на рукопожатие.

– Сказали, на трассе набитый микроавтобус попал под фуру, – с некоторой сухостью произносит он, рассматривая меня с нескрываемым и колючим интересом.

– Ну вот, теперь хоть узнал, что произошло, – усмехаюсь я, – а то всё не было времени выяснить.

Усталость просто валит с ног, и пусть гость думает обо мне, как хочет, но пока себя в порядок не приведу, никаких бесед у нас не будет. Подхожу к умывальнику и плещу себе на лицо холодную воду. Умывание всегда бодрит. Повесив полотенце на место, открываю окно и закуриваю. Это мне сейчас тоже очень нужно, чтобы просто прийти в себя и взять некоторую паузу перед разговором. Да и, в конце концов, я тут хозяин!

Стук в дверь, и появляется Шитова с кружкой на подносике.

– Александр Николаевич, вот, как всегда после операции, ваш традиционный кофе! И ещё... Должна сказать, работая с вами более семи лет, я многое видела, но сегодня у меня было потрясение. Вы же этого мальчика просто по частям собрали! Что он остался жив – это волшебство какое-то! Абсолютно точно вы теперь ему как второй отец!

Прекрасно понимаю, что сказанное ею адресовано в первую очередь гостю в качестве представления ему моей персоны.

– Спасибо, Елена Михайловна, за заботу, – беру кружку и ставлю на стол. – Однако чтобы ребёнок не только остался жив, но ещё и не стал инвалидом, с ним сейчас постоянно должен работать, – бросаю взгляд на посетителя, – доктор Иван Николаевич Серёгин. От его терапии зависит слишком многое.

Я не случайно назвал Ваньку официально и полным именем. Пусть папаша знает!

– Уверена, что с Ваниным отношением к детям мальчик будет с нетерпением ждать каждой их встречи и в успехе можно не сомневаться, – она демонстрирует свою замечательную улыбку и выходит.

– Понимаю, почему персонал вас так обслуживает. Они объяснили, если в такой ситуации сам Александр Николаевич оперирует, то ситуация... пограничная, – странно бесстрастным тоном произносит высокопоставленный гость. – И сказали, вы мальчика с того света вытащили...

Не глядя на него, молча несколько раз киваю. Не могу пока отойти от пережитого в операционной, ведь реально очень испугался потерять нашего маленького пациента, о чём абсолютно честно и признался Юре. Раздавая спокойные и жёсткие команды, я постоянно старался сделать своё состояние незаметным. Это было необходимо, ведь все в бригаде должны были чувствовать мой ежесекундный контроль над ситуацией. И опять же спасибо моему дару! Благодаря ему я видел невидимое и предвидел последствия своих действий. Как я молил Господа о помощи на всём протяжении работы у стола!

– Насчёт, как вы сказали, обслуживания, просто мои сотрудники знают, что, закончив операцию, я всегда пью крепкий кофе. А уж после сегодняшних практически двух... – и наконец делаю глоток любимого ароматного напитка. – Если хотите, могу вам тоже сварить, но здесь в своей кофеварке.

– Нет, спасибо. Я пью только чай.

– А вот с чаем у меня никак, – и, сделав ещё один глоток, затягиваюсь сигаретой. – У нас все... кофеманы.

Не знаю, то ли я абсолютно выхолощен испытанной эмоциональной нагрузкой, то ли чего-то жду, но пока не хочу начинать разговор. Смотрю на больничный парк... Вот бы сейчас там побродить и привести себя в порядок! Снова затягиваюсь... Однако всё же надо объяснить гостю своё не совсем правильное поведение. Оборачиваюсь.

– Простите меня, Эдуард Павлович, я понимаю свою некоторую невежливость, но перед нашим разговором мне нужно уложить в себе прошедшие шесть с лишним часов. Не знаю, что бы я делал, если бы не получилось вынуть ребёнка с того света, – и, снова глядя в окно, задумчиво повторяю: – Не знаю...

Пытаюсь понять, проникся ли этот человек происшедшим сегодня. Можно, конечно, влезть к нему в мозги, но сил для этого в данный момент нет. По тону же его реплик полагаю, мои надежды на понимание не оправданы.

Ещё какое-то время продолжается взаимное молчание, которое я не тороплюсь нарушать, но тут дверь распахивается и, как обычно, влетает Ванька. Ну не умеет он входить спокойно! А ведь я не успел ему сказать, с кем собрался пообщаться утром. Ну и ладно. Потом объясню.

– Как мальчик? – обернувшись, спрашиваю резко.

– Выходит из наркоза. Саш, считаю, надо, чтобы он пока продолжил спать, и чем дольше это будет, тем лучше. Что скажешь? Ты же... основной, тебе виднее.

– Ты прав. Мягонько усыпи его. Только контроль и ещё раз контроль! Да! Я ведь даже не узнал, как его зовут. Как-то времени не было...

– Артём. Короче, Тёма.

– В общем, с завтрашнего дня как можно больше с ним общайся. Говори ему о чём угодно. Хоть сказки рассказывай! Он должен слышать голос человека, твой голос.

– Понял, – и скрывается.

– Скажите, а Серёгин действительно ваш брат? – следует осторожный вопрос.

– Да, – и вдруг, может, в результате минутной слабости из-за навалившейся усталости говорю главное: – Более близкого человека у меня на свете нет. Даже жена по эмоциональной близости, увы, составить ему конкуренции не может. Иван – это моя... совесть.

Делаю ещё одну затяжку. Ну вот, кажется, немного привёл себя в порядок. Теперь можно и поговорить с этим папашей. Только пусть он начинает сам.

– Игак, Эдуард Павлович, давайте разговаривать. Я вроде пришёл в себя. Так что вы хотели мне сказать?

– Знаете, Александр Николаевич, признаюсь, мой знакомый и ваш бывший пациент, который дал мне номер телефона, описал вас как человека и сразу обратил моё внимание на необходимость вести себя с вами так же, как мы общаемся в своём кругу...

Ну слава богу! Они меня оценили... Стараясь не допустить изменения выражения на лице, внутренне усмехаюсь. Я не человек из их круга, но со мной нужно говорить, как со своими. Однако! Люди «нашего круга»... Это называется корпоративная спесь, господа! Правда, я пока не знаю, как они общаются между собой внутри своей касты. Ладно, послушаю дальше.

– После этого, не очень надеясь на своих помощников, я сам покопался в Интернете и почитал там про доктора Елизова, – эти слова произносятся с некоторым оттенком барства. – Думаю, имя любого выдающегося врача всегда обрастает легендами, и поэтому я с пониманием воспринял, как о вас в превосходных степенях там написано благодарными пациентами. Уверен, многое соответствует действительности.

Что-то он растекается мыслью... Не знает, с какой стороны подойти? Придётся поторопиться.

– Эдуард Павлович, я не читаю о своей персоне, тем более в Интернете. На глупости нет времени. Возможно, вы сами сегодня это поняли. Я вон даже переодеться после операционной не успел. Скажите наконец, что привело вас ко мне?

Конечно, я знаю ответ на свой вопрос. Тут и обычная логика, и уж очень «громкий» у него мыслительный процесс.

– У меня пропал сын. Уже три дня не даёт о себе знать. Видите ли, в семье привыкли, что Володя всегда нам хотя бы звонит, говорит, где находится и чем занимается. А сейчас... Он просто исчез! Даже телефон выключил. Мы очень беспокоимся, не случилось ли с ним что-нибудь нехорошее. Это мой единственный ребёнок. Парень своенравный, гонористый и по молодости может наломать дров. Бураков, который был здесь, сказал, вы не только пользуетесь гипнозом, но ещё и в состоянии найти человека. По словам полиции, такой опыт у вас уже был.

– Могу, но не всегда, – вру, конечно, но не хочу я сразу бросаться искать его сынка, ведь о том, что натворил этот Володя, не сказано ни слова. Будто и не было такого! Мол, ты его найди, а дальше посмотрим. Да и просьба найти пока не прозвучала.

– Александр Николаевич, я вас очень прошу... помочь нам его найти.

Обращение звучит с каким-то внутренним трудом. Будто проситель что-то в себе преодолевает. Естественно! Он привык не просить, а приказывать и требовать немедленного исполнения.

– Эдуард Павлович, вот скажите, какой мне резон напрягаться для определения места нахождения человека, принесшего нам столько неприятностей? Ведь поиск – это очень серьёзное напряжение сил и способностей. Согласитесь, проще озадачить этим полицию и ждать, когда она, справившись с задачей, даст соответствующую оценку очередному фортелю, выкинутому вашим сыном. Правда, я понимаю, даже если он снова нарушил режим... доступности, ваши адвокаты, как обычно, будут уговаривать судью, погладив мальчика по головке, погрозить ему пальцем, как по сути дела произошло в прошлый и в позапрошлый раз. Так ведь?

– Считаете, я, как отец, не должен защищать своего ребёнка? – в тоне папаши улавливаю раздражение. – Вы же не будете отрицать, что защищаете Серёгина, поскольку он ваш брат.

Надо же, какая обнаруживается позиция у этого человека. Мне он её тоже приписал. Нет, господин хороший, такой подход не годится.

– Буду! Любого своего сотрудника в такой ситуации я бы защищал точно так же! – чётко выговаривая слова и глядя ему в глаза, объясняю я. – Это моя принципиальная позиция! Персоналии здесь совершенно ни при чём. А доктор Серёгин в истории с вашим сыном вообще является пострадавшим.

После сказанного занимаю место в своём кресле. С этим человеком я буду разговаривать, как говорится, через стол.

– Послушайте, я понимаю, сегодня мы с вами являемся противоборствующими сторонами, но сейчас наши интересы совпадают, – нетерпеливо и теперь уже с некоторой досадой произносит гость. – Да, я не хочу вмешивать в это дело полицию и тем более предавать его огласке. Но призываю вас понять: пока Володя неизвестно где, все мы не знаем... какие события последуют дальше.

Гм... Что будет дальше... Ничего хорошего уж точно не будет. Конечно, чуть отдохнув и теперь ползая по мозгам своего сегодняшнего собеседника, многое я уже понял сам, но хочу, чтобы прозвучали конкретные опасения.

– Что вы имеете в виду?

– У Володи в характере есть стремление всё дожимать до конца. Он... упрямый и очень мстительный мальчик. Мы заметили это, ещё когда он учился в гимназии. Признáюсь вам, нам с ним действительно тяжело, – последнее звучит со сдерживаемым вздохом.

– Думаете, он опять себя как-нибудь проявит? – и непроизвольно усмехаюсь. – Судя по рассказу его же приятелей, у вашего сына богатый послужной список. Да и у нас, как вы знаете, он уже дважды отметился. А из ваших слов я делаю вывод: скрывшись от какого-никакого контроля со стороны родителей, он сейчас строит планы мести доктору Елизову за посягательство на своё исключительное положение.

– Александр Николаевич, я вам скажу совсем откровенно... Я очень боюсь, Володя... совершит реальное преступление.

Значит, всё случившееся до этого, с точки зрения папы, просто невинные шалости.

– В его представлении вы... – отец зачем-то понижает голос, – единственный человек, который ему не только не подчинился, но и, как он считает, посмел наказать.

Задумываюсь. Звучит как угроза или как минимум предупреждение... Хотя обо всём этом мы говорили с Николаем Сергеевичем, да и сам я прикидывал возможные способы такой мести. Только беспокойства, которое всегда сигнализирует о грядущей опасности, как уже про себя отмечал, я сейчас не ощущаю. А вот сильное беспокойство отца мне понятно. Он говорит со мной честно, я это вижу, но пока не принял для себя решение, как реагировать на его просьбу, ведь главного пока не прозвучало.

– Ну хорошо, предположим я его вам найду, а что дальше? – и понимая двусмысленность своих слов, про себя махнув рукой на сказанное собой же накануне вечером у Зорина, сразу вношу ясность: – Я не собираюсь ставить какие-либо условия, просто хочу знать перспективы, тем более, как вы сказали, ваш сын собрался мстить именно мне.

– Мы возьмём ситуацию под контроль. Я лично вам это обещаю.

– Эдуард Павлович, я сомневаюсь в ваших словах, хотя в них нет обмана. Сейчас вы со мной вынужденно честны, – луплю ему в глаза правду-матку. – Ответственно вам заявляю: от вас теперь мало что зависит в воспитании сына. Поздно! Мальчик стал бóльшенький. Вы давно утратили контроль над процессом, и он теперь развивается по своим законам. Вряд ли вы представляете, как ваш сын себя ведёт там, где бывает. По крайней мере, то, чему я стал свидетелем, у нормального человека ничего, кроме отвращения, вызвать не может. Уверен, ваш Бураков, который, как я понимаю, при нём вроде дядьки-воспитателя, не рассказывает вам про все его... искусства.

Мой гость молча смотрит на меня, и я ощущаю целый букет эмоций, переполняющих его. Это досада на то, что относительно молодой человек в данный момент практически его воспитывает, и от этого – старательно скрываемое раздражение необычностью своей роли, а ещё читаю его сомнения в собственной правоте. Нет... Эти сомнения касаются другого. Он ругает себя за позволенную себе откровенность со мной. Голубая кровь!

– Ладно! – решаю я. – Постараюсь вам помочь. Только такие процедуры требуют хорошо отдохнувшего организма, а моё нынешнее состояние далеко от свежести. Но поскольку ближайšie два дня мне придётся отсутствовать в городе, сделаю это сейчас.

– Чем я буду вам обязан? – вопрос, в котором теперь даже слышатся нотки благодарности, задан с энтузиазмом. – Сколько это будет стоить?

Смотрю на него и не знаю, что сказать. Да и нужно ли что-то говорить человеку из мира, где всё построено на получении выгоды?

– Я в состоянии себе позволить, – не могу подавить усмешку, – бесплатные и не оговоренные никакими предварительными условиями действия.

– На время вашей работы я должен выйти?

– Нет, этого не требуется. Только давайте... помолчим. Я должен сосредоточиться, – беру ещё одну сигарету, прикуриваю и подхожу к окну.

Поиск человека не является для меня особенно сложной задачей. Здесь действительно нужна концентрация. Сначала объект надо хорошо себе представить, то есть создать мысленный образ и энергетический фантом, потом, как бы наложив его на карту, постараться определить место нахождения сначала примерно, а затем и точнее. Вовика представить мне не сложно, в нетрезвые его глазоньки я пару раз смотрел, гипнотически воздействовал, поэтому с ним проще, чем в прошлом году с мальчиком, которого я увидел только на фото и, разговаривая с его матерью, пытался ощутить энергетику сына. Тогда, боясь ошибиться, я несколько раз, глядя на топографическую карту района, себя проверял, но место указал достаточно точно. А сейчас, прикрыв глаза и представляя сынка на фоне карты области однозначно определяю... Да! Уверен, сейчас он в Гатчине. Та-ак... Теперь точнее... Вижу какой-то коттедж с белой башенкой и флюгером на ней. Ещё усилие... Похоже, парень сильно пьян и спит. Уф... Устал я! Беру платок и вытираю лоб.

– Может, вы знаете, у вашего сына в Гатчине или на её окраине живёт кто-то из приятелей? – спрашиваю, поворачиваясь к папаше.

Его брови взлетают вверх, и он хватается телефон.

– Виктор, у Володи в Гатчине друзья есть? – звучит торопливый вопрос в трубку, потом пауза и замечание: – Это хорошо, что год назад ты оттуда его забирал. Елизов считает, он сейчас там.

– Спросите – коттедж с белой башенкой и флюгером?

– Башенка с флюгером у коттеджа есть? – послушно дублируется вопрос и сразу следует ответ, сопровождаемый удивлённым взглядом: – Он говорит, есть.

– Пусть Бураков туда едет прямо сейчас, пока ваш пьяный сын там... отдыхает, – с усмешкой советую я, вынимаю новую сигарету и опять закуриваю.

Выпуская струйку дыма, смотрю в сад. Нет, туда мне в моём измождённом состоянии нельзя. Сев на скамейку, вырублюсь сразу. Вообще надо заканчивать. То, что просил сделать высокопоставленный папаша, мной сделано – значит, тема исчерпана.

– Эдуард Павлович, вашу просьбу я выполнил, поэтому давайте на этом закончим, – повернувшись, обозначаю я завершение аудиенции. – У меня перед моим грядущим отсутствием ещё куча дел, да и, честно говоря, устал я сильно. Надо хоть час отдохнуть.

В мозгах у гостя чувствую реальный ступор, вызванный пониманием того, что ему примитивно указали на дверь, как обычному просителю. И это для него так непривычно! Не являясь хозяином положения, бедняга не понимает, как сейчас себя вести, у него нет варианта выхода из сложившегося положения.

– Да-да... – несколько растерянно произносит он, встаёт, явно не зная, как попрощаться, и вдруг звучит вопрос: – Скажите, а ваш брат тоже может... как вы?

– Он пока ещё учится, – усмехаюсь я и сам протягиваю руку. – Всех благ!

Наше рукопожатие без пылки и без вялости. Оно самое обычное.

* * *

После завершения встречи, бывшей трудной и эмоционально, и с точки зрения моего физического состояния, очень хочется просто перевести дух и отдохнуть. Вынимаю из шкафа любимую подушку. Может, удастся сейчас часок поспать, а потом хочу посмотреть, как мальчик, которого я оперировал. Беспокоюсь. Правда его контролирует Ванька, но всё равно это мой пациент.

Лечь не успеваю – стремительно появляется братишка. Лёгок на помине!

– Ну что там с Тёмой? – спрашиваю несколько резко, не давая ему задать вопрос, с которым наверняка он пришёл.

– Спит, но я постоянно проверяю. Сегодня даже остаюсь на ночь. С Риткой уже договорился.

– Это отлично. Честно говоря, если бы не завтрашний полёт в Булун, я бы остался сам. Правда, устал страшно! – и сажусь на кушетку. – Хочу вот на чуть-чуть прилечь...

– Не волнуйся, всё будет нормально! Лети спокойно и возвращайся вместе с Кириллом Сергеевичем. Теперь давай о другом. Сашка, ты знаешь, я не любопытен, но хочу спросить: кто сейчас был в кабинете? Папаня Вовика? Ты только ответь, и я пойду, чтобы не мешать тебе спать.

– Отдаю должное твоей проницательности, – хмыкаю я.

– Это не моя проницательность, это Николай Сергеевич, – Ванька смеётся. – Позвонил, чтобы спросить, как мы справляемся с таким наплывом травмированных. Тебя он беспокоить побоялся, да и в это время ты был в операционной уже с Алёшиным. Одновременно сообщил про вчерашний вечерний звонок Эдуарда Павловича и назначенную тобой на десять утра встречу. Этот визит и такой почёт по случаю пропажи сынка?

– Конечно! – усмехаюсь я и рассказываю ему всю историю, упоминая про опасения папаши из-за мстительности отпрыска.

– Понятно, почему они для поисков не обратились в полицию. Не хотят огласки, и чтобы те сразу зафиксировали нарушение предписанного режима доступности, – выслушав, задумчиво замечает Ванька и садится рядом. – Поэтому Эдуард Павлович даже был вынужден просить тебя. Забавно получается... А насчёт его мести даже странно, ведь парень должен был

после общения с тобой что-то понять. Неужели такое скудоумие? Хотя... Слушай, он же может попробовать устроить покушение на ненавистного ему доктора Елизова! Я ведь помню глаза этого Вовика, когда его увозила полиция. Там была такая ненависть, что и мне стало страшно. Пальнут сдуру откуда-нибудь...

– У меня возникла именно такая мысль, – и, вздыхая, замечаю: – Мы, как всегда, думаем одинаково.

– Погоди... Вот ты нашёл им этого лоботряса, и, по твоим ощущениям, отец хоть теперь что-то в происходящем понял? Может быть, в благодарность, он тебе всё-таки что-нибудь пообещал?

– Господи! Братишка мой дорогой, – и ласково обнимаю его за плечо, – ну когда ты избавишься от своей наивности? Ведь уже взрослый человек!

– Ты же знаешь, я всегда хочу думать о людях хорошо, – бормочет Ванька, глядя в окно. – Не могу я относиться к человеку с подозрением.

Почему-то опять вспоминаю троицу мужиков из посёлка, пришедших спросить о его здоровье, и наш разговор. Действительно, таких, как он, обижать, в том числе и обманом – грех!

– Пожалуй, в этом твоё счастье, Ванюха. Я говорю совершенно искренне. А насчёт обещаний... Короче, Эдуард Павлович обещал взять ситуацию под контроль, только ты же, наверно, сам понимаешь, это теперь поздно. Джинн вырвался из бутылки! Об этом я ему и сказал. Правда, думаю, он не поверил.

– Сашка, я очень и очень за тебя беспокоюсь, – чётко разделяя слова, произносит Ванька, тоже положив руку на моё плечо. – Всё становится реально опасным конкретно для тебя, – потом, повернув голову и посмотрев мне в глаза, спрашивает: – Слушай, может, всё-таки пока поторчишь в Булуне?

– Ты что, спятил? – фыркаю я и от осознания его трогательной заботы ласково бурчу: – Идиот...

Наверно со стороны такое проявление чувства благодарности могло бы показаться странным, но братишка всегда понимает правильно, да и привык уже...

– Прости, это, конечно, глупая идея. Но ведь как-то реагировать надо!

* * *

Мерно гудят турбины, самолёт чуть потряхивает... Чтобы с пользой провести отведённые на полёт часы, я обычно беру с собой какую-нибудь книгу, но на этот раз читать что-то не хочется.

Бурный у меня был вчера день. И тяжёлые операции, и разговор с высокопоставленным гостем... Звонил в Булун Кириллу Сергеевичу. Подтвердил свой прилёт, а потом рассказал обо всех событиях после случившейся автокатастрофы и действиях персонала в условиях повышенной нагрузки. Ещё, стараясь всегда доводить дело до конца, я своими средствами ближе к вечеру получил информацию о благополучном водворении сынка домой, ведь за остаток вчерашнего дня никто из компании высокопоставленных особ не посчитал нужным сообщить мне о завершении операции «Пропавшее дитя». При таком отношении со стороны этих господ трудно надеяться на выполнение их обещаний, поэтому усиленная охрана больницы сохраняется. Получается чуть ли не военное положение, и это напрягает. Вспоминаю сказанные когда-то Кириллом Сергеевичем слова, что если наша основная задача – лечить людей, то любые мешающие этому процессу обстоятельства надо максимально быстро исключать. Значит, возможно, правы те, кто настаивает на привлечении телевизионщиков. Этот шаг простимулирует следствие заняться наконец рассмотрением наших доказательств, а не пытаться всё свести к положению, называемому гаишниками «обоюдкой» – мол, врач нахамил, а бедное дитяtko не сдержалось...

В общем, никакого покоя... А покой – ведь это внутренний комфорт и психологическое равновесие. Человек, привыкший к постоянной напряжённой работе, ставшей для него образом жизни, воспринимает такое состояние как нормальное, живёт в ладу с самим собой, и поэтому он спокоен. Когда же в устоявшийся, нормальный жизненный ритм врывается необходимость реагировать на проявление чего-то, мешающего привычному ходу событий, то нормальность разрушается. Начинается игра нервов, и внимание, сконцентрированное на основной деятельности, приходится тратить на борьбу с мешающими воздействиями. Вот и мне приходится, отвлекаясь от лечения пациентов, тратить своё время на занятия, которые этому мешают. В общем, совместить покой как таковой и доктора Александра Николаевича Елизова при имеющейся у него однозначной жизненной позиции вряд ли когда-нибудь удастся.

Раскольников у Достоевского задавал себе вопрос: «Тварь я дрожащая или право имею?» Конечно, нельзя прямо переносить изложенное в романе положение вещей и сделанные там выводы на нашу нынешнюю жизнь, но вопрос, задаваемый писателем устами Раскольникова, каждый решает для себя сам. Трактую определение «тварь дрожащая» как характеристику человека, полностью покоровшегося всем жизненным мерзостям, с уверенностью заявляю, что я уж точно «право имею» и не буду послушно ложиться под ноги людей, считающих себя «имеющими право» попираť чужие интересы. А в нашей ситуации, когда олицетворяющие закон люди, по сути, являются «тварями дрожащими» на службе у лиц, объявивших себя элитой, я вполне могу восстановить справедливость лично, своими средствами, при этом не сильно их ограничивая.

И всё-таки, Господи, удержи меня от такого соблазна! Я многое понимаю и поэтому стараюсь не допускать тех действий, которые за гранью, но никогда не стану подставлять правую щеку, получив по левой. Прошу Тебя послать мне терпение, чтобы я смог достойно преодолеть посланные Тобой испытания, принимая мудрые решения.

...Сели. Обратно этот борт полетит после отдыха экипажа, и часов девять на все дела я имею. Спустившись по трапу на лётное поле, привычно смотрю по сторонам. Во-первых, за мной должна прийти машина, а во-вторых, ловлю в себе чувство... возвращения домой! Такое со мной происходит каждый раз, когда прилетаю сюда, и я к этому привык, но всё равно... С тех пор как семь лет назад я целый год проработал в местной больнице у Кирилла Сергеевича, меня здесь встречают словами: «С возвращением!» и, считая своим, называют «наш доктор», а представители северных народов вообще – «великий шаман». Конечно, такое отношение очень приятно, и чтобы соответствовать доверию людей, я готов расшибиться в лепёшку. А сколькими друзьями я здесь обзавёлся! Считать – не считал, но думаю, тут их даже больше, чем в Питере. Когда-то я уже думал, что Петербург и заполярный Булун стали мне как бы двумя домами и долгое отсутствие в каком-то из них заставляет тосковать. Получается, даже семьи у меня есть в обоих этих местах, и похожи эти семьи тем, что и питерская, и здешняя недополучают... отца. Увы, но это снова бег по жизни от одной проблемы к другой! Или я так себя оправдываю?

Наконец вхожу, говоря по-питерски, в знакомую парадную дома в Булуне и поднимаюсь на второй этаж. После звонка дверь открывается, и я попадаю в объятия старого доктора.

– Здравствуй, Сашенька! – он так знакомо похлопывает по плечам, а потом, немного отстранившись и глянув на моё лицо, замечает: – Совсем ты осунулся!

Я тоже смотрю на его сухощавую и статную фигуру, на резко очерченное лицо под копной седых волос... Над всем этим время будто не властно, а может быть, оно просто старательно сохраняет дорогие нам черты. Дорогой мой Кирилл Сергеевич...

– Я же вам рассказывал про наши приключения. Особенно вчерашний день выдался трудным.

– А как тот мальчик, которого ты оперировал?

– Там вроде ничего... Он сейчас на попечении Ванюхи. Завтра, когда прилетим, я вас домой доставлю и съезжу, его проведу. Как здесь с хирургической нагрузкой?

– Не беспокойся, справляюсь, – и следует ворчливое замечание: – Ложись-ка ты, добрый молодец, на часок-другой поспать. Потом, я думаю, тебе надо будет навестить Таню с Васенькой.

– Согласен, – вздыхаю я, с удовольствием принимая опеку. – Только у меня есть ещё одно очень важное дело.

* * *

Два часа сна привели меня в относительный порядок. В местную больницу зашёл буквально на полчаса – поздороваться и передать одному из здешних врачей купленные в Питере книги по его специальности. В кабинет, закреплённый здесь за мной ещё с первого года работы, на двери которого тоже есть табличка «доктор Елизов», заходить не стал. Договорившись с главврачом Николаем Фёдоровичем, забрал Таню вместе навестить нашего Ваську в детском садике. Было очень приятно, когда он, выскочив из своей подготовительной группы с криком: «Мой папа приехал!» – сразу привычно на мне повис. Неожиданно подумалось, что мои питерские мальчишки это делают не так пылко. Возможно, они просто видят папу чаще... Потом с разрешения воспитательницы мы втроём немного погуляли. Конечно, прилетая в Булун для хирургической и разной другой работы, я всегда стараюсь проводить больше времени со своим сыном, тем самым как бы компенсируя перерывы в нашем общении. Вот и сейчас даже такая небольшая совместная прогулка была нужна. Васька, держа нас с Таней за руки и понимая краткосрочность папиного приезда, спешил выплеснуть все накопившиеся у него вопросы, на которые я с максимально возможной обстоятельностью ему отвечал. Очень хочу всегда быть для него интересным человеком. Но ведь того же я хочу и в отношениях со своими питерскими детьми! Как мне всё устроить так, чтобы времени хватало на всё и на всех? Смешно подумать, но в мусульманских странах, где разрешено многожёнство, все жёны и все дети являются как бы одним колхозом, что сильно упрощает повседневную жизнь. Ну это у мусульман, но я-то – христианин! Такие мысли крутятся в моей голове, пока ноги сами несут в маленькую местную церквушку. Это и есть то очень важное дело, которое мне обязательно надо сделать, в этот раз приехав в Булун.

Много лет назад, в самом начале моей булунской жизни, познакомившись со священником местной церкви отцом Михаилом и поговорив с ним, я нашёл в нём интересного и умного собеседника. Он привлёк меня тем, что умеет простыми и ясными словами человека нынешнего времени толковать суть религиозной философии, очищая её от примитивных понятий, рассчитанных на восприятие паствы далёкого прошлого. Понемногу периодические встречи и беседы с батюшкой стали необходимостью, я привык нести ему свои мысли и сомнения, воспринимая его как своего духовника. В данный момент, борясь с желанием продемонстрировать противникам свои умения, я ощущаю острую необходимость его помощи в противодействии таким соблазнам.

...Давно знакомое внутреннее убранство маленькой церквушки, построенной в Булуне ещё в начале девяностых годов, всегда действует на меня как-то согревающе, в то время как огромные, сверкающие богатством храмы не вызывают чувства тепла и уюта. Возможно, поэтому в последнее время в церковь я захожу в основном здесь. Да, собственно, даже и не в церковь, а именно к отцу Михаилу. Очень ясные глаза батюшки всегда излучают покой и мудрость, которые так мне нужны! Вот интересно, у Ваньки тоже ясные глаза и очень чистый взгляд, но там я порой вижу скорее наивность. Наверно, это вполне естественно, ведь считается, мудрость приходит к нам с годами. Отец Михаил серьёзно старше меня, а братишка младше... Или, может, я по старшинству просто отказываю ему в мудрости? Да и кто сказал,

что человек мудреет только с прожитыми годами? Перенесённые и осмысленные страдания зачастую дают нам опыт куда больший, чем многие годы, проведённые в покое. А уж у кого-кого, а у Ваньки за почти двадцать девять лет разных передряг и испытаний было более чем достаточно, причём началось это с самого его детства. Получается, братишка, успев хлебнуть, как говорится, по самое некуда и, конечно же, осмыслив пережитое, вместе с невзгодами наверняка отхлебнул и мудрости. Может, именно поэтому высказываемые им порой замечания о жизни заставляют их услышать, остановиться и подумать.

– Добрый день, Александр Николаевич! – подходя с тёплой улыбкой, здоровается отец Михаил и тем самым прерывает мои мысли. – Рад снова вас видеть.

Следует рукопожатие... Постоянно отмечаю, что хоть рука у батюшки всегда сухая и жёсткая, но обязательно тёплая. Какое-то время молча смотрим друг на друга, и наконец священник делает приглашающий жест.

В давно знакомой маленькой комнатке с единственной иконой садимся у стола.

– Как всегда, прихожу к вам, когда просто не могу не прийти, – тихо объясняю я.

После паузы понемногу начинаю рассказ о последних событиях. Признаюсь в своих совсем неправедных мыслях, возникших от осознания очевидного нежелания служителей закона исполнять свои обязанности в угоду сильным мира сего. Я должен изложить своему духовнику все сомнения и, тем самым покаявшись и получив его оценку, очиститься. Исповедоваться так исповедоваться!

– Отец Михаил, я прекрасно понимаю, что моё желание с помощью способностей, о которых вы знаете, восстановить справедливость, по сути, проявление гордыни... – глядя в его ясные глаза, снова сравниваю его взгляд с Ванькиным. Всё-таки есть что-то общее! – Но я не могу и не хочу, стыдливо потупившись, проходить мимо, в то время как каста небожителей бесстыдно топчет людей вокруг себя. У них ведь уже сформулирована целая философия об обслуживаемых и обслуживающих!

– Понимаю вас, Александр Николаевич, – со вздохом произносит батюшка, когда рассказ заканчивается, бросив задумчивый взгляд на свои сложенные руки, – но это совсем не значит, что одобряю. Конечно, каждому из нас, хочется справедливости. В нашем представлении виноватый должен по закону получить наказание, соответствующее степени его вины, а любой закон, в том числе и Божий, это свод определённых ограничений, накладываемых на личность человека. Эти ограничения необходимы, поскольку, живя среди людей, мы обязаны всегда помнить известную истину: моя свобода заканчивается там, где начинается ваша. Вопрос только в том, как толкуется своя свобода. Люди, с которыми вы вступили в борьбу, как я понимаю, свою свободу не хотят ограничивать ничем, и это останется на их совести, а Господь воздаст им по делам их. Вряд ли скажу для вас что-то новое, но чем выше человек забирается, тем больше у него возникает искушений. Кстати, это касается и вас тоже. Развивая свой дар, вы множите своё – не хочется произносить этого слова, но придётся – могущество. Вы тоже поднимаетесь, только по совсем другой лестнице, и должны понять и принять как истину: по мере роста возможностей воздействия на людей, у вас будет расти соблазн применить эти возможности. Вам должно быть известно состояние, когда осознание «я это могу» подталкивает такое «могу» осуществить. И естественно, из самых лучших побуждений! – после этой фразы он делает паузу и смотрит на меня с откровенной иронией, но продолжает уже серьёзно: – Ваше стремление к справедливости, безусловно, похвально, но с доступными вам средствами можно перейти черту и этого не заметить или, заметив, опять-таки оправдать такой шаг лучшими побуждениями, то есть желанием этой справедливости. Прекрасно, что у вас всегда есть сомнения в правильности совершаемых поступков, ведь с вашими способностями вы могли бы сотворить огромные беды.

Как же эти слова соответствуют моим мыслям!

– Брат за мной следит и в таких случаях всегда является моим строгим судьёй. Прицая, даже ругая меня, он прав, но скажите, как же мне поступить сейчас? Во мне постоянно будто борются два человека. Один – праведный христианин, готовый, следуя заповедям, терпеть унижения, а другой – и это мне многократно ближе – принципиальный борец за справедливость, готовый применить против своего противника все доступные средства. Я не могу возлюбить своего врага! Не могу и не хочу прощать скотства! Тем более здесь речь идёт о самом Иване как о пострадавшем.

– Я знаю, брат зачастую успешно сдерживает вас в ваших порывах. Наверно, только одному ему это по силам. Думаю, Господь, который, я уверен, к вам благосклонен, не зря как бы поместил его рядом в качестве... противовеса, что ли. А поступать надо в соответствии с моралью человеческой, значит, с законом Божиим. Ну и в соответствии с законами нашего государства. Вам кажется, что восстановить справедливость вашими методами можно гораздо скорее, но будет ли это подлинной справедливостью? Есть закон Божий, есть закон в юридическом толковании, но я пока не слышал про закон Елизова Александра Николаевича, – усме- хается батюшка с явным сарказмом. – Вы согласны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.